

Спецназ Его Величества

В ВИХРЕ
ВРЕМЁН
Красная Гвардия «попанданца»

Сергей ШКЕНЁВ

Штрафбат Его Императорского Величества

Сергей Шкенёв

**Спецназ Его Величества.
Красная Гвардия «попаданца»**

«Махров»

2012

Шкенёв С. Н.

Спецназ Его Величества. Красная Гвардия «попаданца»
/ С. Н. Шкенёв — «Махров», 2012 — (Штрафбат Его
Императорского Величества)

Новый фантастический боевик от автора бестселлера «Штрафбат Его Императорского Величества»! Гвардеец Великой Отечественной в теле императора Павла Первого! «Попаданец» на троне Российской Империи правит по сталинскому завету: «Ведь от тайги до британских морей Красная Гвардия всех сильнее!» Красногвардейцы Его Величества отучат «англичанку» гадить у наших берегов. Его спецслужбы раскроют британский заговор и перевешают врагов народа на фонарях. Его спецназ развяжет против «Владычицы морей» диверсионную войну в лучших традициях Берии и Судоплатова, начав с разгрома эскадры Нельсона. «Гнилой британской нечисти загоним пулю в лоб! Отродью человечества сколотим крепкий гроб!»

© Шкенёв С. Н., 2012

© Махров, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Шкенёв

Спецназ Его Величества

Красная Гвардия «попаданца»

Автор выражает признательность литературному форуму «В вихре времен» за техническую и моральную поддержку, а также за помощь в поиске и исправлении моих ошибок.

И отдельно:

Сергею Викторовичу Акимову

Андрею Владимировичу Туробову

Пролог

Документ

«Первые опыты Фултона с самодвижущимися судами относились еще к 1793 году, когда он, исследуя различные типы гребного колеса, пришел к заключению, что наилучшим будет колесо с тремя или шестью лопастями. В 1794 году, побывав в Манчестере, он убедился, что наилучшим двигателем для самодвижущегося корабля может быть только паровая машина Уатта двойного действия. В последующие годы Фултон много думал над формой, проекциями и очертаниями судна. Прежде чем приступить к строительству, он уехал на воды в Пломбьер и здесь проводил опыты с метровой моделью, приводимой в движение пружиной.

Весной 1803 года Фултон приступил в Париже к строительству своего первого парохода. Он был плоскодонным, без выступающего киля, с обшивкой вгладь. Паровая машина Уатта была взята напрокат у одного знакомого, но схему передаточного механизма придумал сам Фултон. Построенный корабль оказался недостаточно прочным – корпус не выдержал тяжести машины. Однажды во время сильного волнения на Сене днище проломилось, и взятая в долг машина вместе со всем оборудованием пошла ко дну. С большим трудом все это удалось достать на поверхность, причем Фултон жестоко простудился во время спасательных работ. Вскоре был построен новый, гораздо более прочный корпус судна, имевший 23 м в длину и 2,5 м в ширину. В августе 1803 года было проведено пробное испытание. В течение полутора часов пароход двигался со скоростью 5 км/ч, что являлось хорошим результатом даже против 40 км/ч у русской канонерки «Гусар», и показал сносную маневренность.

Первым делом Фултон предложил свой пароход Наполеону, но тот не заинтересовался этим изобретением. Весной 1804 года Фултон уехал в Англию. Здесь он безуспешно старался увлечь английское правительство проектом своей подводной лодки и одновременно следил за изготовлением паровой машины фирмой Боултона и Уатта. В том же году он отправился в Шотландию, чтобы ознакомиться с построенным там Саймингтоном пароходом «Шарлотта Дундас». (Саймингтон был едва ли не первый европейский механик, успешно справившийся с постройкой самодвижущегося парового судна. Еще в 1788 году по заказу крупного шотландского землевладельца Патрика Миллера он построил небольшой корабль с паровым двигателем. Пароход этот был испытан на Дэлсуинтонском озере в Шотландии и развил скорость до 8 км/ч. Спустя полтора десятилетия Саймингтон построил второй пароход – упомянутую выше «Шарлотту Дундас» для владельцев Форс-Клайдонского канала. Он предназначался для транспортировки грузовых барж.) Пароход Саймингтона был несомненно удачной моделью. Средняя скорость его без груженных барж составляла около 10 км/ч. Однако и этот опыт не заинтересовал англичан. Пароход вытащили на берег и обрели на слом. Фултон присутствовал при испытаниях «Шарлотты» и имел возможность ознакомиться с ее устройством.

Дальнейшая судьба Фултона печальна – летом 1805 года он приезжает в Россию с целью покупки лицензии у «Сормовского пароходного завода», но погибает при неизвестных обстоятельствах.

Из книги профессора Яна Флеминга «Звезда и смерть Наполеона Бонапарта». Монтевидео, 1957 год»

Глава 1

Тишина над Волгой, только слышно, как перекликаются часовые на заякоренной поодаль от берега барже. На песке сохнет бредень, и дымок от разведенного бурлаками костра щекочет ноздри, обещая уху из мелких судачков да пары здоровенных язей. А что глаза щиплет, так и перетерпеть можно, чай, в походе, не дома у печки. Славный и спокойный вечер после трудного дня. Где-то на перекате бьет жерех, обнаглевшая чехонь устраивает драку из-за брошенной в воду хлебной корочки, солнце садится за горы... Ничего, все равно его утром рано заволжские мужики обратно на небо баграми вытолкают.

– Красное-то какое. – Александр Федорович Беляков поправил над углями прутик с насаженным куском колбасы. У начальства свой костер, это только уха общая. – Все от грехов наших.

Капитан Ермолов, заросший бородой и давно не стриженный, более похож на разбойника из песен, чем на офицера. Качает головой:

– А я вот слышал, будто вечерами ангелы жгут надоедливые молитвы, скопившиеся за день. А на утренней зорьке – ночные.

Беляков поежился и покосился на бурлаков, расположившихся шагах в тридцати – не слышат ли?

– От таких слов Соловками да Тобольском веет.

– Может быть. – В огонь полетел найденный на берегу обломок доски. – Только я думаю, что лучшая молитва – делом.

– Это точно, – согласился Александр Федорович. – Дел-то мы немало наворотили.

Обоим было чем гордиться – на барже, аккуратно упакованное и опечатанное, лежало золото. Не те крохи, что с боем вытрясли из втихомолку добывающих его диких старателей, а много и сразу. Россыпи на Южном Урале дали баснословный выход – более фунта песка с таракашками самородков при промывке ста пудов породы. Так не бывает, но так оно и было. Если очень нужно, то почему бы не случиться чуду?

Позади остались и мерзкая осень с бешеной спешкой управиться до морозов, и лютая голодная зима в землянках... Дрова, привезенные черт знает откуда... промывки растаявшей снеговой водой при свете масляных плошек... Ломались железные пешни и ломы, высекавшие искры из застывшего грунта, – люди выдержали. У людей цель, которой нет у бездушного металла.

Весной стало легче. Да что говорить – будто заново родились. Особенно когда из Челябинки пришел обоз с провиантом и подмогой, целым батальоном 52-го стрелкового полка, бывшего до переименования то ли Сибирским, то ли Симбирским. Вот тогда позволили себе вздохнуть и распрямить гудящие от натуги спины. Ермолов наконец-то вспомнил, что он капитан, а не землекоп, и еле смог оторвать от лотка и лопаты вошедшего в раж министра. Таковым, правда, Александр Федорович почувствовал себя не сразу. Виданное ли дело – из купцов третьей гильдии, и сразу на самые верха? Но пришлось привыкать. По-иному нельзя – сожрут.

Как сожрал бы астраханский вице-губернатор Каховский, замещающий недомогающего генерала Повалишина. Поначалу сей господин отказывался принять неизвестного оборванца с подозрительной и явно фальшивой бумагой, шестью десятками пудов золота да толпой вооруженных бородачей, но на следующий день отдал приказ об аресте. Так и осталось в тайне, что руководило поступками на первый взгляд почтенного и достойного господина. Может, это желтый дьявол решил в очередной раз пошутить? Скорее всего так...

Донельзя раздосадованные возможной задержкой, егеря одними прикладами разогнали посланных по их души солдат местного гарнизона, а Александр Федорович впервые применил власть, велел взять вице-губернаторский дом штурмом. Короткая баталия прошла почти

бескровно, единственной жертвой стал хозяин сего дома, найденный застрелившимся в собственном кабинете. Ну да Бог ему судья. Вот только как можно пустить пулю в затылок из охотничьего ружья? Но свидетелей не осталось, более того, куда-то запропастился секретарь покойного.

В Астрахани наняли баржу с артелью бурлаков – водный путь хоть и длиннее, но безопаснее для ценного груза. Знаменитые волжские разбойники если и остались где-то кроме песен, на глаза не попадались. Вообще все путешествие до Нижнего Новгорода напоминало увеселительную прогулку, разве что без цыган и шампанского. В Казани были приглашены на бал в Дворянском собрании, но вынужденно отказались по недостатку времени. Время, как говорит государь-император, не ждет! И усмехается при этом странно, поминая нехорошим словом британскую столицу. Интересно, какое имеет отношение Лондон к добыче золота? Или Павел Петрович подразумевал что-то другое?

Сегодня последняя ночевка. Встали, едва миновав Кстово, чтобы завтра, даст Бог, со свежими силами дойти до Нижнего. Домой потом, это всегда успеется, сначала исполнить долг. Вот ведь странное чувство – вроде и не брал ничего ни у кого, никому не обязан, все обещания выполнил и даже сверх того... но не оставляет ощущение... будто некто невидимый смотрит в спину и тихо-тихо шепчет:

– Ну еще чуток... Остались же силы! Ты сможешь...

И голос не укоряющий или просительный – ласковый, с интонациями ожидания и надежды. Глас Божий? Зов Отечества? Но разве это не одно и то же?

* * *

– Да чтоб тебя, собаку, приподняло да прихлопнуло! – выругался Беляков, когда из-за страшного рева со стороны реки сама собой дернулась рука и кусок колбасы с прутика упал на угли.

Вскочившие в испуге бурлаки впопыхах перевернули котел с ухой и попрятались по кустам. Оставшийся у шипящего и плюющего паром костра старшина артели одной рукой крестился, а другой крепко сжимал узловатую дубину.

– Зверь неведомый по воде бежит, ваше сиятельство! – Невзирая на строгий запрет, он упорно именовал Александра Федоровича именно этим титулом. – Лапами прямо так и шлепает!

Опять что-то громко заревело. Подскочивший Ермолов вскинул винтовку к плечу, но не успел прицелиться в надвигающуюся черную громадину с горящими глазами, как с баржи зачастили выстрелы по меньшей мере троих часовых.

– Мать вашу! Ну сколько же можно? – Исполненный тоски и отчаянья крик, а сразу за ним в темнеющее небо взлетела осветительная ракета. – Имейте совесть!

Повисший на крохотном шелковом колпачке, называемом французским манером «parachute», плюющийся белыми искрами светлячок тем не менее позволил разглядеть необычного вида корабль. Назвать его судном язык не поворачивался, да и торчащие над фальшбортами орудийные стволы не оставляли сомнений в военном происхождении плавающего... плавающей... батареи? Пусть называется механизмом. А как еще? Чего только в жизни не выдвали, но такого не приходилось.

М-да... весь какой-то приплюснутый, по бокам мельничные колеса, и венчает все это высокая копящая труба. Срамота, не корабль.

– Алексей Петрович. Погоди стрелять.

– Да я гожу, – откликнулся Ермолов.

Тем временем ракета погасла, шлепанье по воде прекратилось, и голос из темноты спросил:

– Тут мелей нет? Пристать можно?

Видимо, ответа не требовалось, так как почти сразу же послышался скрип мокрого песка – неизвестный агрегат ткнулся носом в берег. Правый глаз чудовища моргнул, оказавшись обыкновенным фонарем, а снявший его с крюка человек ловко спрыгнул прямо с борта:

– Разрешите представиться! Лейтенант Императорского Пароходного Флота Денис Давыдов! С кем имею честь?

– Капитан Ермолов. – Алексей Петрович протянул руку в приветствии и переспросил: – Какого флота, простите?

Моряк (или речник?) смутился, что было заметно даже в неверном свете фонаря:

– Пароходного... Но вы не думайте, господин капитан, скоро таких кораблей станет много! Два или три. – Тут лейтенант что-то вспомнил и удивленно воскликнул: – Постойте, а не вы ли сопровождаете Его Высокопревосходительство?

– Нет, он меня сопровождает. – Беляков сделал шаг вперед. – И никого более тут нет. Разве что... Ефим, признавайся, ты путешествующий инкогнито генерал?

– Кто инкогнито? – обиделся бурлацкий старшина. – Мы Мироновы будем. А по-уличному – Талалушкины.

– Вот видите, господин лейтенант, ошибка вышла. Так что извиняйте.

Не прошло и получаса, как недоразумение разрешилось к всеобщему удовлетворению. Денис Давыдов действительно был послан встречать баржу с золотом и министром – сведения об инциденте в Астрахани долетели до Петербурга на удивление быстро, и обеспокоенный случившимся император Павел Петрович отдал приказ о сопровождении груза. Как раз в селе Соромово, что чуть выше Нижнего Новгорода по течению Волги, заканчивали установку трофейной паровой машины на канонерскую лодку «Гусар». Лейтенант, получивший офицерский чин за храбрость при взятии Стокгольма, и стал ее командиром.

– Да, отстали мы от жизни в дикой глуши, – посетовал Ермолов. – У вас там события происходят, войны, штурмы вражеских столиц, а тут чуть мхом не поросли.

– Действительно, – поддержал капитана Александр Федорович. – Вы уж нам, Денис Васильевич, расскажите, будьте любезны.

– Обо всем и расскажите. Время есть, пока уха по второму разу варится.

Лейтенант ненатурально поупирался, мол, какой из меня рассказчик, но было видно, что его распирает от желания поделиться новостями со свежими и благодарными слушателями. Долго уговаривать не пришлось – прокашлялся и... и посмотрел с ожиданием.

Алексей Петрович первым понял причину заминки:

– А не употребить ли нам малую толику во славу русского оружия?

Беляков не стал возражать:

– И монаси приемлют.

Денис Васильевич инициативу старших поддержал с энтузиазмом. Ну как же, ведь именно в таком возрасте жизнь кажется бесконечной чередой праздников и дружеских застолий, лишь изредка прерываемых войной. Да и сколько той войны? А возможная смерть огорчает лишь тем, что не сможешь никому похвастать совершенными подвигами. Досадная мелочь, право слово!

– Вот когда англичане от Кронштадта удрали, – начал лейтенант и сразу же отвлекся, передавая флягу по кругу. – Да, знатно драпали!

– Позвольте, но что же их так напугало? – удивился Ермолов.

– Как, вы не знаете?

– Кое-что донеслось до нашей глуши, но хотелось бы услышать из уст очевидца.

– Тогда...

И Давыдов поведал, с успехом заменяя живостью воображения недостаток фактов: о боях в городе, о кулибинских огнеметных машинах, героизме ополчения, уцелевшего едва ли на

треть. Потом перешел на подвиги военно-морские, отсчет которым положила воздушная атака с помощью шара и змеев.

Да, англичане бежали, проявив в позорной трусости своей пример отчаянной храбрости. Британские моряки жертвовали собой, пробивая путь сквозь мины для спасения адмирала Нельсона. И хитрый лис улизнул из капкана, бросив на растерзание остатки эскадры. У короля много! Шведам повезло меньше. Или совсем не повезло, если сказать прямо – единственный их фрегат, прорвавшийся по фарватеру, попал в «братские» объятия датских линейных кораблей, спешивших на помощь к русскому союзнику. Боя как такового не случилось – избиение вряд ли можно назвать боем. А стрельба картечью по плавающим среди обломков... Ну мало ли какие традиции в просвещенных Европах?

Силы Балтийского флота, вышедшие через ставший безопасным проход, Нельсона не догнали, да и, собственно, не очень старались. Англичане подождут, есть хотя и менее важная, но более достойная цель – наказать предателей. Альбион враг давний и явный, а вот удары в спину прощать нельзя. Совсем нельзя. Никогда и никому.

Стокгольм захватили с минимальными потерями. Тут скорее сыграл свою роль не фактор неожиданности, а общее положение дел. Из когда-то грозного противника Швеция превратилась в третьеразрядную страну, мнение и политика которой напрямую зависели от настроения и грозных окриков более сильных соседей. И на этот раз с выбором хозяина немножко ошиблись...

Экспедиция продолжалась ровно три недели, считая двое суток, потраченных на подавление любого сопротивления. Канонерки, пользуясь малой осадкой, чувствовали себя как дома в разделяющих вражескую столицу протоках и проливах Меларенского озера, и отвечали пушками на любой, даже пистолетный, выстрел. Не успевший бежать король Густав Четвертый Адольф стал жертвой одной из таких бомбардировок, но перед смертью подписал полную и безоговорочную капитуляцию, заодно отрекшись от престола.

– Целый час уговаривал! – коротко рассмеялся лейтенант, получивший свой чин после того случая. – У нас не забалуешь!

Остальное время потратили на справедливый раздел трофеев. Датчане удовлетворились остатками шведского флота, пошедшего в возмещение убытков, нанесенных англичанами Копенгагену, а русские забрали оставшуюся мелочь. В нее, то есть в мелочь, входила небольшая контрибуция и обязательство нового правительства о поставках добытых в течение последующих двенадцати лет железа и меди с наценкой не более десятой части.

– Однако! – покачал головой Ермолов. – Изрядная прибыль государству.

– Увы, Алексей Петрович, – ответил Давыдов. – Все не так благостно, как представляется на первый взгляд. Мы вывезли с шахт не только паровые машины, но даже инструмент, включая металлические части оборудования. И плавильные печи... как они там называются... неважно, их теперь нет. Совсем нет.

– Так и до бунтов недолго, оголодает народишко...

– Ходят слухи, что государь что-то предпринимает в этом отношении. Но, сами понимаете, не в моих чинах о том ведать.

И тут же оба перевели взгляд на Беякова. Тот возмутился:

– Мне что, сороки на хвосте новости приносят? Не более вашего знаю. Да и министр-то я... игрушечный, что ли... Придем в Нижний, узнаем больше. Нашу баржу твой самовар потянет, Денис Васильевич?

– Пароход!

– Я и говорю, самовар.

Если Давыдов и обиделся на пренебрежительное отношение к своему кораблю, то виду не показал. Ну что могут понимать сухопутные? Сам император Павел Петрович, напутствуя лейтенанта, говорил о грандиозных перспективах, открывающихся при использовании силы пара.

Когда-нибудь дымящие и пыхтящие, шлепающие по воде плицами суденышки с двадцатью человеками экипажа превратятся в бронированных мастодонтов, перевозящих по нескольку дивизий и способных одним залпом сметать с лица земли целые города.

– Наш «Гусар» три таких баржи потянет. – Подумал и поправился: – Против течения – только две.

– Слабовато, – отметил Беляков.

– Да у нас совсем другие задачи! Вот посмотрите на «Гусара» в баталии!

– Нет уж, спасибо за предложение, – отказался Александр Федорович.

Но Ермолов заинтересовался:

– А можете ли принять на борт десант, Денис Васильевич?

– Это смотря какой численности и на какую дальность похода. Места маловато. Считайте сами – восемь кочегаров, десять канониров при трех орудиях, два механикуса, именуемые инженерами, лоцман, в море заменяемый штурманом, да два палубных матроса.

– А что они на берег-то не сходят?

Лейтенант смутился:

– Я их в трюме запер.

– Зачем?

– Да как вам сказать... по нам уже в третий раз стреляют, как бы до мордобоя, простите, не дошло.

– Серьезные люди.

– Добровольцы не менее пятого года службы. Да утром сами посмотрите, авось за ночь добрее станут.

* * *

Увы, за ночь никто так и не подобрел. Экипаж «Гусара» встретил бурлаков, тянущих буксирный канат, неприветливо. Напрасно те пытались объяснить свою полную безоружность и кивали на охраняющих баржу егерей – нет у военного моряка веры штатскому человеку. Да и не человек это вовсе, ежели не служит. Так, половинка...

Лейтенант предложил Белякову с Ермоловым продолжить дальнейший путь на пароходе:

– И вам удобнее, и мне спокойней.

– В этакой тесноте?

– Ветер встречный будет, – пояснил Давыдов.

– И что?

– Дым из трубы прямо на баржу пойдет.

Он оказался прав. Мало того, злопамятные кочегары наверняка подбросили в топку... хм, лучше не знать, чего они там подбросили.

Пароход бежал на удивление резво, и менее чем через час Александр Федорович смог увидеть собственный дом. Вон, стоит, блестит окошками второго этажа и весело подмигивает – загулял, мол, хозяин? Сжало сердце, и в груди неизвестно почему отдалось болью, памятью о прошлогоднем покушении. А ведь так и не нашли стрелявшего. Следы злоумышленников, поначалу уводившие к Керженцу, поворачивали и, в конце концов, пропадали вблизи Нижнего. Не в буквальном смысле следы, но нашлись люди, видевшие и слышавшие кое-что, да вот толку...

А канонерке на переживания и воспоминания плевать – идет себе да пугает гудками противно орущих чаек. Беляков проследил без всякой цели за удирающими к заволжскому берегу птицами и зацепился взглядом за грандиозную стройку:

– Здесь что такое?

Давыдов пожал плечами:

- Вроде как братья Нобели стекольный завод ставят.
- Немцы, что ли?
- Шведы.
- Они откуда?
- Не знаю, скорее всего, оплатили кандидатскую пошлину.
- Это как?

Оказалось очень просто – теперь любой иностранец мог претендовать на российское подданство только после определенного срока пребывания в кандидатах. Затем следовало принятие православия и экзамен по русскому языку, разумеется, платные. Кандидатский стаж напрямую зависел от полезности будущей деятельности – для промышленников не более года, купцам же от пяти до десяти лет.

- Но зачем им? Неужели в родной стране так плохо?
- Не в этом дело, Александр Федорович, – вместо Давыдова ответил капитан Ермолов.
- В чем же?
- В том, чего мы везем на барже.
- Но откуда они могли знать?
- Именно про это? Никто и не знал. Нюхом чуют... собаки.

Беляков промолчал. А о чем говорить-то? Государь строг, но справедлив, вот он и определяет, кому откусить от золотого пирога, а кто простым хреном перебьется.

* * *

Вот и Нижний показался – блестят маковки церквей, зеленый шатер Михаила Архангела в небо стремится, сбегает с откоса к воде ступенчатые стены. В одном месте, правда, вместо стены огромная дыра, которую каждый назначаемый губернатор клятвенно обещает заделать. Но то ли все недосуг, то ли денег не хватает, а то вовсе бояться новых оползней, только давно уже нижегородский кремль смотрит на Волгу щербатой ухмылкой завязанного буяна и выпивохи.

В аккурат напротив пролома и причалили. Набежавшую подивиться на пароход толпу тут же оттеснили высыпавшие на пристань егеря капитана Ермолова, а немного погодя появилась подмога – неизвестного рода войск солдаты в синих мундирах с малиновыми прямоугольниками на воротниках.

- А это кто такие, Денис Васильевич? – поинтересовался Беляков.
- Эти? – Давыдов оторвался от заполнения вахтенного журнала и бросил взгляд на берег. – Из Министерства государственной безопасности.
- Давно ли появилось?
- Еще в ноябре указ вышел. Его сиятельство граф Бенкендорф и возглавил. А вы разве не знали?
- Да откуда?
- Ах да, простите, совсем позабыл. Вас встречают, кстати.

Действительно, сквозь раздавшуюся в стороны толпу к «Гусару» быстро шел офицер. Или не офицер? С этими новыми мундирами сам черт ногу сломит! Вот он (не черт, разумеется) вступил на сходни.

- Прапорщик, вы ли это? Какими судьбами, Сергей Викторович?
- Старший лейтенант! – Акимов рассмеялся и крепко пожал протянутую руку. – Вот и опять увиделись, Александр Федорович.
- Обернулся к Ермолову, щелкнул каблуками:
- Здравия желаю, господин подполковник.
- Капитан, – поправил Алексей Петрович.

– Как? – Грозный взгляд на Давыдова. – Разве Денис Васильевич не сообщил о прошедшей переаттестации?

– Да я же... – попытался оправдаться лейтенант.

– Понятно. Впрочем, и сам могу рассказать за обедом. Не возражаете, господа?

– А это? – Ермолов сделал неопределенный жест, изображающий беспокойство за груз на барже.

– Куда оно денется? – пожал плечами Акимов. – Это же не новый чин, который при отсутствии должного обмытия может обидеться и перестать расти. Или вообще усохнет. Так что не переживайте, сейчас прибудет губернатор с докладом, вот ему и сдадите под расписку. А мои люди перевезут и обеспечат безопасность.

– Чью?

– И вашу в том числе.

* * *

Спустя три часа

Коляску ощутимо потряхивало на выбоинах, и Александр Федорович недовольно морщился – после удобств и спокойствия водного путешествия ехать по разбитой дороге не самое приятное занятие. И это почти в центре города, черт бы его побрал! Надо будет попросить Кулибина изобрести чего-нибудь для гладкого покрытия улиц, а то при езде по брусчатке мягкое на первый взгляд сиденье ощутимо бьет по заднице, и походка потом немного напоминает краковяк. Со стороны незаметно, но самому довольно неприятно.

Город неуловимо изменился. Беляков долго не мог понять, что же стало не так, и не сразу догадался – исчезли вывески на лавках с немецкими и французскими названиями. Сергей Викторович подтвердил озвученное вслух предположение:

– Совершенно правильно! Только иноземные языки не под запретом, тут вы, Александр Федорович, ошибаетесь, а приравнены к излишествам. За них, как известно, всегда приходится платить. За пятьдесят рублей с буквы можно хоть Вольтера во всю стену цитировать... Но деньги вперед.

– Копейки.

– Не скажите... Первые платежи из Польши и балтийских губерний позволяют говорить о будущих миллионах.

На углу улицы Варварской и Острожной площади экипаж остановился, пропуская колонну мальчишек лет десяти-двенадцати, с песней марширующих в сторону Ковалихинского оврага. Военная форма на детишках смотрелась несколько странно.

– Суворовцев в баню повели, – пояснил Акимов, перехватив вопросительный взгляд.

– Мелковаты для суворовских чудо-богатырей, – хмыкнул Ермолов. – Плохо кормите?

Сергей Викторович шутку не поддержал:

– Училище имени генералиссимуса Суворова создано по предложению нижегородского купечества и состоит на его иждивении.

Беляков удивился:

– Лет двести не замечалось за земляками патриотических порывов. Воистину времена меняются.

– Это точно, с государем Павлом Петровичем не заскучаешь, – согласился Алексей Петрович. – А что говорят в Европах?

– Да кого сейчас интересует их мнение?

Документ

«Калифорнийский коммерческий вестник. 27 мая 1914 года.

Спешите увидеть!

Сегодня в электро-фотографическом театре «Адмирал Крузенштерн» состоится премьерный показ новой звуковой фильмы господина Ханжонкова «Штурм Вестминстерского аббатства».

В роли генералиссимуса Кутузова – Федор Шаляпин.

Входной билет – 50 коп.»

Глава 2

Лондон. 2 июня 1802 года

– Короля не интересует ваше мнение, господин Нельсон! Его вообще ничье мнение не интересует!

Адмирал задохнулся от гнева и не нашел слов для достойного ответа. Правда, сыплющего проклятиями сэра Питта-младшего они совсем не интересовали, эти слова оправдания. Но назвать победителя при Абукире просто господином... тут премьер-министр несколько перегнул палку! Хочет отправить в рискованную экспедицию? Так пусть отправляет, а не кричит, как ректор Итона, обнаруживший переодетого в женщину негртенка под кроватью воспитанника.

– Я сегодня же готов уйти в отставку, сэр!

Вот тебе вместо милорда, скотина! И шпилька достигла цели:

– Не горячитесь, сэр Горацио. Хересу, бренди?

– Рому.

Премьер-министр посмотрел с недоумением, но отдал явившемуся на звон колокольчика камердинеру распоряжение принести требуемое. Угодно адмиралу показывать характер и пить невообразимую дрянь? Это всегда пожалуйста. Если хочет, может даже последовать примеру Сократа, из всех напитков предпочитавшего цикуту. Может... но не сейчас, когда Бонапарт собрал в Булони новую «Непобедимую армаду». Корсиканский людоед давно бряцает оружием и алчно облизывается, поглядывая через Канал. Каналья... И в прошлом году французское нашествие не случилось разве что божьей милостью. Что сулит этот?

Судя по всему – ничего хорошего. Наполеон еще зимой объявил себя императором, а когда Англия наконец-то ответила положительно на его предложение о подписании мирного договора, только рассмеялся в лицо посланнику. И показал неприличный жест, явно подсмотренный у русского фельдмаршала Кутузова, с недавних пор бывающего в Париже чаще, чем в Петербурге.

Русские... вот постоянная головная боль. С их безумным царем никогда не знаешь, какой финт они выкинут в следующий раз. Швецию вот недавно захватили, оставив английскую промышленность без превосходного железа. Да ладно бы просто присоединили в качестве провинции, так нет же – император Павел заявил о создании временной Стокгольмской губернии и клятвенно пообещал предоставить независимость сразу, как только шведы оплатят все убытки, причиненные их войсками в русской столице. Теперь вольнолюбивые шведы собирают деньги на выкуп собственной свободы, не помышляя о бунтах и неповиновении. Некогда бунтовать, слишком велик процент за просрочку платежей. И что удивительно – виновником всех бед они считают исключительно одну Англию.

Ситуация, однако. А самое в ней неприятное не французский флот, второй год собирающийся высадить десант на спасаемые богом острова, а русские корабли, курсирующие между новороссийским берегом и Тулоном. Везут то, что Британия привыкла считать своей законной долей, – мачтовый лес, пеньку, хлеб. Обрато возвращаются груженные порохом и золотом. Против кого вооружаются, против Турции? Но жадный султан и без всякой военной угрозы пропускает конвои через проливы. И каждый раз жалуется английскому послу на оскудевшую казну, прозрачно намекая, что будь она полна... А куда делись двенадцать миллионов фунтов, безвозмездно выделенных взамен обещания усилить батареи Босфора и Дарданелл?

Средиземноморский флот Его Величества Георга Третьего, конечно же, по мере сил мешает русским перевозкам, но размен одного линейного корабля на три купеческие суда более чем неравноценный. Вот для исправления сложившегося положения и понадобился адмирал Нельсон, до сего дня более полугода не появлявшийся в Лондоне.

– Подозреваю, что лишь самой малости не хватило вам для победы, сэра Горацио. – После первоначальной грубости настроение премьер-министра улучшилось, и теперь он изо всех сил старался подсластить вручаемую Нельсону пилюлю. – Надеюсь, в южных водах фортуна будет более благосклонна.

Адмирал сделал глоток и едва удержался, чтобы не выплюнуть. Напиток черни, солдат и пиратов никогда ему не нравился, но предлагаемая авантюра отдает таким гнусным запахом, что перебить его можно только этим... И шансов не ввязываться нет совсем, иначе не миновать почетной должности козла отпущения. Король требует крови, парламент требует крови, народ... тот ничего не требует. Только Питт предлагает шанс.

Почти в то же самое время в харчевне «Колокольчик и полпинты», что на Нерлинггей-стрит, обедали два молодых негодяя, прибывшие в Лондон утренним дилижансом из Дувра. Оба довольно скверно изъяснялись по-английски, так как являлись уроженцами Ганновера и явно переживали не лучшие времена. А то зачем бы им выбирать заведение не самого высокого пошиба, где из разумной предосторожности и бережливости вилки с ножами прикованы к столам тонкой цепочкой? Впрочем, предполагаемые финансовые затруднения не отразились ни на внешности, ни на аппетите.

– Щей бы сейчас с расстегайчиками, – тяжело вздохнул один из немцев и впился зубами в печенную под чесночным соусом баранью ногу.

– Угу, – согласился другой, с подозрением приняв хивавшийся к своей порции. – И по штофу анисовой...

Немного помолчали, ностальгируя по милой сердцу ганноверской кухне, и опять вздохнули – Фридрих Толстенберг и Иоганн Лупехвальд путешествовали почти полгода и успели соскучиться по родной стороне.

– Анисовой тебе? – рассмеялся Иоганн. – Друг мой Теодор, откуда в столь диких местах взяться водке? Обойдемся ромом.

– Ваня, – с укоризной произнес Толстенберг. – Ты не забыл, что Александр Христофорович особо указывал на соблюдение строжайшей конспирации? Так что никаких Теодоров, я Фридрих, и точка.

– Да помню, не ругайся... Лучше о том подумай, как приказ выполнять будем.

– Есть предложения?

А вот этого не было ни у того, ни у другого. Удивительно, но англичане окутали свою возню вокруг вновь создаваемой эскадры такой тайной, что до сих пор оставалось неизвестным даже место ее сбора. Военные корабли просто исчезали без следа вместе с командами, а те, что еще не успели отбыть, охранялись лучше испанских золотых галеонов времен конкисты. Экипажам запрещалось сходить на берег, а шлюпки, привозившие на борт провизию и воду, досматривались морской пехотой на наличие посторонних. И небезуспешно, надо сказать – три матроса с фрегата «Геркулес» и две портовые шлюхи, которых они намеревались прихватить в плавание, болтались на реях с вывалившимися синими языками, напоминая остальным о том, что приказы не обсуждаются.

Явно напрашивался вывод – британцы затеяли очередную пакость. Осталось только узнать, против кого она будет направлена. Если против Наполеона, то черт бы с ним, император Павел Петрович недвусмысленно дал понять, что целиком и полностью одобряет независимую политику Франции и не намерен вмешиваться в любые ее дела, как внутренние, так и внешние. Если, конечно, на то не существует изложенной на бумаге договоренности.

– Слушай, Фридрих. – Лупехвальд положил на стол обглоданную кость и с торжествующим видом посмотрел на собеседника. – А если нам сегодня ночью наведаться к какому-нибудь сиятельному лорду и расспросить хорошенько? Задать вопросы прямо в лоб, так сказать.

– Толку-то? – Толстенберг отрицательно помотал головой. – Неужели ты думаешь, будто болтунам из парламента могут доверить что-то серьезное? Иоганн, это даже не смешно.

– А вдруг? Может, попробуем?

Фридрих назидательно поднял указательный палец и скучным голосом заявил:

– Запустив руку в дырявый карман, не надейся вытащить оттуда серебряный рубль. Э-э-э... в смысле, талер.

Последнее слово Толстенберг произнес громко, и стоявший за стойкой хозяин «Колокольчика и полпинты» мысленно поблагодарил провидение, пославшее столь выгодных посетителей. Люди мало того, что денежные, так еще и крепкие, здоровые! Это не те забулдыги, за которых сержант Симмонс дает по три шиллинга с головы. Тут не меньше фунта за каждого можно выручить! Правда, содержимым кошельков придется поделиться с вербовщиками... Или начать действовать самому, пока посланный с запиской мальчишка не успел добраться до порта?

Все же природная бережливость не позволила предпринять что-то в одиночку. А ну как сержант обидится, не обнаружив кошельков у будущих моряков флота Его Величества, и уменьшит долю? С него станется. А то и вовсе откажется оплачивать выпитое и съеденное немцами во время, так сказать, уговаривания поступить на службу.

Хлопнула дверь, запуская в харчевню новых посетителей, и кабатчик, встретившись взглядом с вербовщиком, привычным движением глаз указал на предполагаемый товар. Симмонс едва заметно, но одобрительно кивнул и громко потребовал вина для себя и троих своих спутников:

– Только лучшего, Сэмми, а не ту мочу, что ты в прошлый раз выдавал за рейнское!

– С каких это пор мое вино стало тебе по карману, Питер? – решил подыграть хозяин. – Или получил долю от сокровищ Голконды?

– Гораздо лучше!

– Наследство?

– Опять не угадал, Сэмми. Я завтра женюсь на вдовушке с изрядным капиталом, а сегодня намерен славно покутить, провожая последний денек вольной жизни! – Сержант Симмонс поклонился сидящим за соседним столом немцам: – Вы не откажетесь разделить мою радость, господа?

Когда в харчевню ввалился громогласный субъект с лицом, кричащим о вреде пьянства и печальных его последствиях, Федор Толстой немного насторожился. А уж когда тот стал перемигиваться с хозяином и пригласил незнакомых немецких негоциантов за свой стол, и вовсе обеспокоился.

– Ваня, готовься, нас сейчас грабить будут.

– Грабить? – Лопухин спрятал улыбку за кружкой. – Не будь банальным, мин херц Фридрих, это не разбойники, а вербовщики.

– Не вижу разницы.

– А она есть, уж поверь мне. Нас сначала напоят до усрачки и лишь потом облегчат карманы. Ну а в нагрузку – уговорят поставить отпечаток пальца под контрактом с Королевским Флотом.

– Не понял...

– Во флот вербовать будут, что же непонятного? Посмотри на мундиры – морская пехота.

– Да я про другое. Как они спойть собираются, если их всего четверо?

Пока друзья шепотом переговаривались по-немецки, краснолицый успел обидеться на воображаемое невнимание и переспросил:

– Господа окажут мне честь?

Господа оказали, перебравшись за стол виновника торжества. Тут же по знаку Симмонса, так представился незнакомец, кабатчик принес большой бочонок, а оставшиеся неназванными собутельники с готовностью подставили кружки.

– Погоди, Сэмми, разве я не вина просил?

– Все это так, Питер, но настоящую радость необходимо отпраздновать чем покрепче, а ту кислятину прилично пить лишь на похоронах архиепископа Кентерберийского.

– Он что, умер?

– Пока нет, но, глядя на ваши трезвые физиономии, можно подумать, будто это уже случилось. Так выпейте за его здоровье!

Федор Толстой возразил:

– В первую очередь пьем за короля, храни его Господь! – И, дождавшись, когда кружки наполнятся, спросил у кабатчика: – А вы разве не желаете присоединиться? Или здоровье Его Величества вас совсем не интересует?

Выпили.

– Нет-нет-нет! – закричал Лопухин, когда англичане потянулись к закуске. – Теперь за величие доброй старой Англии! По полной и до дна! Сэмюель, друг мой, не отлынивайте!

Тосты следовали один за другим, и когда в бочонке показалось дно и кабатчика отправили за полным, Симмонс заплетающимся языком пытался объяснить, что он, сержант морской пехоты, вовсе не намеревался вербовать насильно таких симпатичных людей, как Джон и Фред, то есть Иоганн и Фридрих, а надеялся уговорить их сделать это добровольно:

– Пойми, Джонни, ты увидишь совершенно другой мир!

– Питер, ты меня уважаешь? – Лопухин долил в кружку с ромом темного пива и протянул ее сержанту. – Какой флот, если мы с Фридрихом не можем отличить грот от стакселя, а бушприт от марса?

– Настоящего морского волка подобные мелочи не интересуют! – Симмонс стукнул кулаком по столу. – Джентльмены, вы же волки?

– Еще какие! – поддакнул Толстой и завыл, запрокинув голову.

Кабатчик, притащивший новый бочонок взамен опустевшего, пьяно погрозил пальцем и сообщил:

– Хорошо, что я запер дверь, Фредди, а то бы ты перепугал всех посетителей.

– Они такие трусы?

– А ты?

– А я храбрец! Не веришь?

– Верю. Но тогда почему не хочешь идти во флот?

– Кто сказал такую глупость? Питер, ты слышал? Сэмми утверждает, что мы с Иоганном испугались и завтра никуда не идем.

– Он дурак!

– Согласен. И, кстати, куда мы все-таки идем?

– На «Геркулес», куда же еще? Только не мы, а вы.

– Ты разве тоже боишься?

– Что значит тоже? – обиделся сержант.

– Сэмми боится.

– Он дурак.

– А ты?

– Я умный, поэтому предпочитаю ловить наивных простаков на суше, а не нюхать матросскую вонь на грязных палубах. Представляешь, Фредди. – Вербовщик икнул и покачнулся на лавке. – Нет, ты представляешь, Фредди, капитан Винсли до сих пор думает, будто сержант Симмонс что-то вроде брауни или сидов.

– Это как так?

– Тех тоже никто и никогда не видел, но все знают об их существовании. Выпьем за добрых соседей?

– Непременно! – Толстой отодвинул тарелку с закуской как можно дальше, заменив ее полной кружкой. – Но если тебя не знают в лицо, то как мы попадем на корабль?

– Вас проводят.

– Они? – Федор показал на молчаливых спутников сержанта, спящих в живописных позах.

– Слабаки! – встрепенулся кабатчик, медленно цедивший свой ром. К несчастью, именно это движение нарушило шаткое равновесие, и он упал лицом в столешницу.

– И этот готов, – прокомментировал Иван Лопухин. – Ну так что, Питер, как нам попасть на «Геркулес»?

– Найдете в порту шлюпку с фрегата, скажете – Симмонс прислал. Вот и все.

– Так просто?

– Угу, – пробормотал сержант и лег щекой на сложенные руки. – Не буду же я брать деньги за столь достойных джентльменов?

Убедившись в том, что собутыльники крепко спят и просыпаться не собираются, Иоганн Лупехвальд, он же боец батальона особого назначения «Красная Гвардия» Иван Лопухин вопросительно посмотрел на командира:

– Ну?

– Не нукай, не запряг! – Федор вытряхнул из рукава длинный трехгранный стилет. – Я пока с этих мундиры поснимаю, а ты оставь следы ограбления.

– А стоит ли?

– По закону «двенадцать дробь двенадцать» лица, покушавшиеся на жизнь и свободу подданных российской короны, подлежат смертной казни через повешение. Замена другим видом допускается в исключительных случаях. У нас как раз такой, не так ли?

– Бюрократ, – проворчал Лопухин. – Я вообще-то про ограбление спрашивал.

– Работай, Ваня! – нахмурился Толстой. – В нашем деле мелочей не бывает.

На друга прикрикнул, а у самого в груди холодок и побелевшие пальцы мелко-мелко подрагивают. Одно дело, сойтись с неприятелем грудью в грудь или даже вышибить мозги метким выстрелом из засады, и совсем другое – резать спящих. Причем делать это аккуратно, чтобы кровь не запачкала одежду. Но подписанный государем Павлом Петровичем закон от двенадцатого декабря прошлого года четко и ясно гласит – собаке собачья смерть!

* * *

Примерно через два часа через черный ход, открывающийся в залитый помоями крохотный дворик, харчевню «Колокольчик и полпинты» покинули два солдата морской пехоты. Собственно, один был сержантом, но никто в спешащей поглазеть на пожар толпе не обратил на это никакого внимания. Эка невидаль, обыкновенный сержант! На прошлой неделе в соседнем переулке нашли ограбленного и повешенного гвардейского лейтенанта, вот действительно зрелище!

– Да, друг мой Теодор. – Младший по званию скептически поглядел на командира. – Неважный из тебя Питер Симмонс получился.

– Это почему же?

– Тот родом из Глостершира был, ты же разговариваешь как уроженец Шеффилда.

– Ну да... бонна, учившая меня английскому, оттуда и приехала. Но учти, Ваня, это всяко лучше московского аканья некоторых... не буду показывать пальцем. С сегодняшнего дня будешь валлийцем. Согласен?

Лопухин коротко кивнул и дальше шел молча, с любопытством разглядывая лондонские улицы. Из окна дилижанса толком ничего не увидишь, а тут все рядом, хоть руками щупай. Особого желания, правда, не возникало, даже когда навстречу попадались женщины. Или, честно сказать, именно из-за них. Конечно, кому-то и кобыла невеста, но Иван в свои двадцать лет был достаточно искушен, чтобы определить по бледным вытянутым личикам – воздерж-

ние в Англии чрезвычайно полезно для молодого организма. И более того, готов удерживать мужа младшей сестры от опрометчивых поступков силой.

– Слушай, друг Теодор...

– Питер, – поправил Толстой.

– Ну да, Питер... Слушай, почему они такие страшные, будто их отцы согрешили с овцой? И не единожды.

– Интересный вопрос, – разговаривая, Федор старательно репетировал походку моряка, что, учитывая выпитое в харчевне, довольно неплохо получалось. – Вот так сразу на него не ответишь, но что-то мне подсказывает, будто именно в нем кроется секрет успехов британцев в мореплавании вообще и завоевании колоний в частности.

– Не понял.

– Ну как же... ты усидишь дома, если каждый вечер в твою постель такое страшилище лезет? То-то и оно! А острова маленькие.

– Да? А что же сам через месяц после венца смылся? Или хочешь сказать...

– Иван, не сравнивай долг перед Отечеством с супружеским долгом. Мы дворяне, и этим все сказано!

– Извини. – Лопухин, сестра которого слыла одной из первых красавиц Петербурга, смущенно кашлянул. – Извини, слишком вжился в роль англичанина.

– Валлийца.

– Ага, и его тоже.

* * *

Шлюпку с «Геркулеса» нашли довольно быстро, но самого фрегата в пределах видимости не оказалось, так как обеспокоенный участвовавшими случаями дезертирства капитан Винсли решил дожидаться пополнения экипажа и припасов ниже по течению, напротив Грэйвсенда. Там, в отличие от Лондона, прыжок за борт еще не гарантировал беглецу полной свободы. Вот плети от патрулей, а при повторном побеге и близкое знакомство с пеньковым галстуком, это всегда пожалуйста. С каждым днем желающих рискнуть находилось все меньше и меньше – в игре на жизнь не многие решаются поставить ее на кон.

Федор Толстой задержке не огорчился. Даже наоборот, она позволила внимательно приглядеться к гребцам, морским пехотинцам с «Геркулеса» – своим будущим подчиненным. Те если и удивились появлению неожиданного командира, то виду не подали. Дисциплина, что ни говорите, на высоте, причем сознательная. Как-никак, хоть и плохонькая, но элита флота!

– Пошевеливайте веслами! – приказал Питер Симмонс (да, теперь уже он) и развалился на мешках с какой-то крупой. – Джонни, а ты пока займись чисткой оружия.

Лопухин, изображающий молчаливого, глуповатого и вместе с тем исполнительного валлийца, кивнул и приступил к осмотру захваченных из харчевни ружей и пистолетов. Да, жалость великая, что кулибинские винтовки пришлось оставить в Петербурге... Но и эти вроде бы ничего, особенно штуцер сержанта – вещь серьезная, штучной работы хорошего мастера. Сразу видно, что прежний хозяин не бедствовал, откладывая на покупку ружья последний пенни. Вот самому Ивану досталось поплоче, обычное, по виду помнившее войну с американскими мятежниками.

А гребцы с завистью принохивались к запахам, приносимым ветерком от нового командира и его любимчика. Ну да, никем иным, по их мнению, пьяный валлиец быть не мог. Вон как лениво двигает шомполом – другой на его месте давно словил бы кулаком в зубы. Значит, опасный тип, такой же, как сержант, о жестокости которого ходили очень нехорошие слухи. И вот пришлось увидеть легендарную личность воочию... По виду, так еще молодой и зеленый,

не скажешь, что зверь зверем. Зачем в море решил пойти? Не иначе убил кого. Человек тридцать, не меньше.

Федор Толстой сладко дремал и не знал, что является пугалом чуть ли не для половины британского флота. Да пусть спит, новоявленному сержанту это полезнее ненужных знаний. Пусть теперь голова болит у капитана Винсли, ведь именно он, отдавая приказы о порке плетью, всегда сокрушался:

– Вам повезло! Вот если бы попались не мне, а сержанту Симмонсу... – И дальше следовало многозначительное молчание.

Но вот зачем сэру Чарльзу так говорить о человеке, которого в глаза никогда не видел? Это так и осталось неизвестным. Или, может, просто в благодарность за присылаемые ежегодно пятьдесят гиней?

Как бы то ни было, через несколько часов он встретил известие о появлении сержанта на борту фрегата довольно неприветливо:

– Симмонс? Какого черта старому козлу понадобилось на моем корабле? – буркнул Винсли на доклад вахтенного офицера.

– Старому? – удивился лейтенант Броудброк. – На вид он моложе меня.

– Не может быть! – Капитан помолчал, переваривая новость. – Еще мой покойный отец имел дело с этим пройдохой не меньше пятнадцати лет назад.

– Родственник?

– Мой?

– Что вы, сэр! В том смысле, что этот Симмонс может быть родственником того Симмонса.

– Возможно... Впрочем, позовите-ка его сюда.

– Под конвоем?

– Зачем?

– Не знаю, но мало ли что.

– Лейтенант, – рассмеялся Винсли. – У нас одна половина экипажа заслуживает хорошей веревки и реи, а другая давно все это заслужила. Вы же собираетесь арестовать человека только потому, что он слишком молод.

– Я не собирался, сэр! Это вам сержант Симмонс показался подозрительным.

– Вы совсем меня запутали, лейтенант. Впрочем, разберемся. Проводите его ко мне.

Броудброк вышел из каюты и почти сразу же вернулся:

– Он уже здесь.

– Хорошо, пропустите. И это, Эшли... оставьте нас наедине.

* * *

Толстой молча выслушивал сварливые нотации капитана и с трудом сдерживал искушение треснуть сэру Чарльзу в зубы. Останавливало только то, что англичанин внешне напоминал любимого Орлика – донского жеребца соловой масти, оставшегося дома. Такая же вытянутая физиономия с неподвижной верхней губой, разве что выражение разное. Кажется, или у коня действительно умнее? Так то конь, а этот козел... И ведь приходится терпеть!

– Терпение суть самое важное качество разведчика! – так говорил император Павел Петрович при личной встрече пред отправкой в Лондон. – Хоть неделю на нейтралке живи, но «языка» притащить обязан!

К большому сожалению, Федор тогда не решился переспросить и до сих пор не знал, что такое «нейтралка». А вот... ну да, точно, если надеть на капитана мешок с дырками для глаз, то получится вылитый «язык», которых водили когда-то по улицам для опознания сообщников. Теперь что, его в Петербург тащить?

– Скажите, сержант, ваш отец не поручил мне передать? – Винсли многозначительно подбросил к потолку шестипенсовик, поймал на лету и легким щелчком закрутил по столешнице.

– Конечно же, сэр! – обрадовался Толстой и достал из кармана замшевый мешочек, приятно ласкающий взгляд своим объемом.

– Замечательно, Симмонс, вы очень почтительный сын. Но где теперь брать новобранцев?

– Сколько?

– Денег?

– Ну что вы, милорд! – подольстился Федор. – Какова потребность в людях?

– В людях? – захохотал капитан. – Мне нравится ваше чувство юмора, сержант Симмонс.

Голов тридцать нужно, причем срочно.

– Так мало?

– Не стоит жадничать. И не беспокойтесь, бумагу для казначейства на две сотни матросов получите сегодня же.

– Хорошо, милорд.

– Так что насчет пополнения?

– Сколько у меня времени?

– Две недели, сержант. Да, черт возьми, сам знаю, что немного, но выход эскадры в Средиземное море зависит не от меня.

Толстой улыбнулся:

– Найду.

– Точно?

– Через десять дней на «Геркулесе» соберутся самые отчаянные головорезы, каких только выдел свет.

– Вы мне нравитесь, Симмонс.

– Спасибо, сэр! Служу Его Величеству!

Документ

«Приемы и правила стрельбы из винтовки с ночезрительным прицелом.

В зависимости от условий стрельбы и от огня противника стрельба может вестись из положения лежа, сидя, с колена и стоя. В ночное время исключительно лежа.

В боевых условиях стрелок занимает и оборудует место самостоятельно. В населенном пункте место может быть выбрано на чердаке, в окне здания, в фундаменте строения.

Позиция стрелка должна быть тщательно замаскирована.

...

...и тд.

Министерство Обороны Российской Империи. 1835 год. Для служебного пользования»

Глава 3

Санкт-Петербург. Михайловский замок

Приятно устраивать людям праздники. Не те пышные торжества, на которые собирается половина столицы и четверть Европы, а уютный вечер для своих. Тем более в негласной «Табели о рангах» такие камерные приемы стоят гораздо выше парадов в честь прибытия иностранных августейших особ. Ну их к чертям, я сам себе августейший!

– Ваше Императорское Величество! – Кулибин салютует бокалом. – Ваше здоровье!

Иван Петрович не пьет. Вообще не пьет. Разве что иногда, да и то по великим праздникам, делает глоток-другой цимлянского. Сегодня же он изрядно навеселе – не каждый день в императорском дворце чествуют земляков и родственников. Александр Федорович Беляков, из-за приезда которого и собралось блистательное общество, как раз и есть земляк и родственник одновременно. Да к тому же министр золотодобывающей промышленности, не баран чихнул!

– Будь здоров, граф!

Совершенно верно, граф – это Кулибин. Получил титул за изобретение всего, что только возможно вообще, и казнозарядной винтовки своего имени в частности. Там много еще чего набралось, и в моем времени вполне бы заслуживало Сталинской премии и ордена Ленина. Да, я не оговорился... в моем времени и именно Сталинской премии. Это время, в общем-то, тоже мое, но стало таковым не так уж давно. Чувствуете? Нет, не запах коньяка, а мысли? Мое, мое, мое... Тяжкий груз императорской власти накладывает определенный отпечаток на манеру изъясняться и общее поведение. А может, и душу уродует, но не разобрался еще.

Я – император. Если кто-то хочет подробностей, то вот они: император Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая Павел Петрович Романов, более известный как Павел Первый. Совсем недавно, меньше полутора лет назад и почти полтора века вперед, мне и в голову не приходило, что такое возможно. Но вот... да, черт побери, вот оно! Радует? Как-то не очень...

Итак, все началось тринадцатого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года, когда в землянку, где кроме меня находился Мишка Варзин, попал снаряд немецкой гаубицы. Или не попал... Или еще что-то случилось, но вот оказался здесь. Каким образом? Не знаю и знать не хочу! И что оставалось делать? Только работать... вот и работал по мере сил, которых оказалось неожиданно много. Сначала хватался за все подряд, но постепенно жизнь наладилась, и теперь за мной лишь общее руководство. А то в прошлом году дело дошло до того, что чуть не лично командовал егерями, выбивающими незаконно добытое золото из бандитствующих сектантов на Макарьевской ярмарке. Ладно еще англичане нападением на Петербург подсажали – не царское это дело, разбойников потрошить.

Незаметно и тихо подошедшая императрица отвлекает от мыслей о государственных проблемах, чтобы тут же озаботить новыми:

– Павел, тебе нельзя быть таким серьезным. Хотя бы сегодня.

– Это почему же?

– Улыбка монарха является таким же орудием политики, как армия или флот.

– Ты преувеличиваешь, душа моя.

– Нисколько! – Мария Федоровна смеется, но в глазах веселья нет. – Посмотри вокруг, ну?

– И что я здесь не видел?

Но на всякий случай следую совету. Нет, вроде ничего необычного. Вот в уголке о чем-то спорят два генерала с одной и той же фамилией – министр государственной безопасности Александр Христофорович Бенкендорф даже руками размахивает, объясняя что-то генерал-лейтенанту Христофору Ивановичу Бенкендорфу. Наверняка отбивается от попыток отца оженить

сделавшего блистательную карьеру сына. Молодец, не сдаётся и не поддается на провокации. Бывший командир Особой Павловской гвардейской дивизии у нас вообще большой оригинал – жениться желает непременно по любви и любые разумные доводы, противоречащие оному желанию, отвергает категорически.

А вот еще один министр. Его должность именуется «министр по делам инородных национальностей, реформирования и расширения казачества, внутренних и частично внешних дел». Зато теперь ни одна сволочь не упрекнет генерал-майора Платова в самоуправстве, когда тот в очередной раз подвинет кавказскую границу верст на сто. Подобное случилось в начале зимы – раздосадованный прерванным Индийским походом Матвей Иванович, ни у кого не спросясь, по дороге на родной Дон немного пошалил, результатом чего стала небольшая победоносная война с некоторыми территориальными приобретениями. Проказник, про что и говорю.

Мария Федоровна внимательно наблюдает за мной:

– Ну и как, дорогой?

– Душа моя, люди прекрасно обходятся без моих улыбок, им и так есть чем заняться.

– Даже ему? – Короткий жест в сторону виновника сегодняшнего торжества, стоящего в полном одиночестве и некоторой растерянности.

Вот проклятье, совсем упустил из виду, что у Александра Федоровича здесь нет знакомых, исключая меня, Машу и Кулибина. Но Иван Петрович скачет по зале молодым козликом. А к нам Беляков подойти стесняется и опасается. Все-таки одно дело пить водку с императором в скромном жилище купца третьей гильдии, и совсем другое – увидеть его в почти музейных интерьерах Михайловского замка, на скользком паркете, в окружении блистающих орденами генералов и блистательно прекрасных дам. Я бы тоже на его месте чувствовал себя не в своей тарелке.

– Федорыч! – Оклик звучит негромко, но для тренированного уха опытных царедворцев кажется громом небесным.

Вот чему удивляюсь до сих пор, так это тому, что внешним проявлениям монаршего расположения придается слишком большое значение. Среди собравшихся это заметно в гораздо меньшей степени, но обычные лизоблюды гордятся даже званием мудака, если оно дано высочайшим мнением.

– Да, государь? – откликается Беляков и делает несколько шагов навстречу.

– Александр Федорович, а не выпить ли нам водочки, как в старые добрые времена?

– Под подновские огурчики? – Далее министр вынужден протискиваться ко мне сквозь толпу, мгновенно образовавшуюся вокруг нового императорского любимца. Все знают, что я не пью водку, и столь решительное предложение показывает высочайшую степень предрасположенности. – Совершенно случайно захватил с собой пару бочек, государь! Как вы и любите, соленые в тебеках.

Тебеки – это тыквы в подновском произношении. По странному совпадению или прихоти высших сил я сам когда-то родился в Подновской слободе Нижегородской губернии больше ста лет тому вперед. Тебека – родное слово.

Отгоняю от Белякова внезапно образовавшихся друзей, делаю несколько шагов вперед и беру министра под локоть:

– Присоединимся к Бенкендорфам?

Александр Федорович с опаской бросил взгляд на генералов:

– Разве с немцами можно пить водку?

Еще одна больная тема... После того как перестал воспринимать вселение в тело и сознание императора Павла Петровича как необычный сон, желание удавить всех подданных немецкого происхождения было просто невыносимым. Какой тут в задницу интернационализм? Первым исключением, потянувшим за собой все остальные, и стали Бенкендорфы. Сначала сын, а потом и отец.

– Они русские, Александр Федорович. А происхождение... какое нам до него дело?

* * *

Христофор Иванович встретил нас приветливой улыбкой и вопросом:

– Ваше Императорское Величество, почему человек столь высоких заслуг перед государством до сих пор не имеет титула?

– Зачем? – Ответный вопрос прозвучал у меня и у Беякова одновременно. У него, правда, был несколько конкретнее. – За что же такая напасть?

Московский генерал-губернатор изобразил недоумение и пояснил:

– Но как же! Титул – это... Ну вы понимаете?

– Я понимаю. – Бенкендорф-младший спрятал промелькнувшую улыбку. – Пока уважаемый Александр Федорович является представителем простого народа, весьма достойным, надо заметить... так вот... он может отвечать на любой кривой взгляд, да и на любое оскорбительное слово, ударом в зубы.

– Моветон, – заметил Христофор Иванович.

– Ну и что? Зато такое действие является не поводом к дуэли, а причиной возбуждения уголовного дела со стороны моего министерства. И, заметьте, отнюдь не против господина министра.

– Саша, – мягко укорил Александра Христофоровича отец. – Ты преувеличиваешь. Посмотри вокруг – хоть кто-то из собравшихся бросит вызов Александру Федоровичу?

– Оуи, рара, но вы забываете, что сегодня здесь присутствуют только те, кто Отчизне посвятил души прекрасные порывы.

– Изрядно сказано! Сын, ты поэт!

– Это из сочинений Его Величества.

Да уж... не помогает прямое упоминание авторства, объясняемое молвой обычной скромностью, и я поневоле прослыл изрядным виршеплетом. Осторожнее надо в следующий раз, а то рискую оставить русскую литературу в глубокой заднице, где она, собственно, сейчас и пребывает. Редкие исключения вроде Державина можно не принимать во внимание, они лишь подчеркивают общее плачевное состояние. В книжных лавках сплошь французские да немецкие фамилии на обложках... срамота! А названия? Куда смотрит цензура? Взять хотя бы сочинения некоего Андреаса фон Кумарера – «Красный афедрон», «Белый афедрон», «Синий афедрон»... Это к чему говорю? А к тому, что Гавриил Романович из-за услышанных стихов Сергея Есенина чуть было не бросил писать свои. А нельзя, ему еще Пушкина благословлять перед схождением в гроб. Нет, гроб не для Пушкина... маленькому Саше пока только три года, но Сергею Львовичу, его отцу, недвусмысленно дали понять, что Нижегородское Суворовское училище через несколько лет примет нового воспитанника с распростертыми объятиями.

– Не нужно так грубо лстить, Александр Христофорович, а то сделаю вывод, что лестью ты пытаешься увести разговор от печального положения дел в собственном ведомстве.

Бенкендорф-младший виновато промолчал. Ладно, не будем сегодня о грустном и наболевшем, тем более дежурный порученец в пятнистом лейб-егерском мундире уже разлил водку по рюмкам.

Последний писк моды, кстати. Это про егерей, а не про рюмки. С недавнего времени в высшем свете стало модным заменять лакеев отставными солдатами гвардейских полков, отказавшимися от получения земельного надела, которые одновременно являлись телохранителями и преподавателями военной подготовки для наследников, если таковые имелись. Надо будет как-нибудь спросить у Александра Христофоровича, не упустил ли он возможность иметь почти в каждом приличном доме своего человека. А то мало ли чего. Но это маловероятно, чтоб упустил – у министра госбезопасности не голова, а Дом Советов.

– Ну что, первый тост за Родину, господа генералы?

– А мне, как лицу сугубо статскому, позволено будет выпить? – Беляков освоился и теперь пытается шутить.

– И не надейся избежать мундира, Александр Федорович, – обнадеживаю министра. – Золото, оно кровь войны, и ответственному за его добычу никак не миновать генеральского чина.

Не поверил, приняв за удачный каламбур. А зря, между прочим! В моих ближайших планах есть освоение Колымы с Аляской, а на такие масштабы нужно назначать по меньшей мере генерал-лейтенанта. Иначе не поймут, дикари-с... И пару-тройку казачьих полков в придачу. Не помрут там с голоду? Если с умом подойти, то и нас переживут.

А огурчики в самом деле хороши! Под такие можно повторить, и не единожды. И уж потом, откинувшись с трубкой в руке на спинку дивана, спокойно и обстоятельно обсудить дела, для маскировки серьезного разговора посматривая в сторону дам. И они хороши, даже более чем! Некоторые настолько обворожительны, что начинаю немного сожалеть об оставленном в будущем возрасте – ведь сорока еще не стукнуло, тогда как тут почти вплотную подобрался к половине века. Каких-то пара лет и...

– Да, государь! – кивает Бенкендорф-старший, перехватив мой взгляд. – Были и мы рысиками, не то что этот вот...

Александр Христофорович слегка пригибается от любящего отцовского подзатыльника и, оправдываясь, обещает:

– Сразу после завершения операции непременно займусь кобелированием, предамся разнужданным оргиям с гетерами и одалисками. Но не раньше, хорошо?

– Твои бы слова, да Богу в уши, – ворчит Христофор Иванович и тут же становится предельно серьезен: – Когда начинаем?

– Тут уж все от Александра Федоровича зависит.

– Что именно? – удивляется Беляков.

Правду говорят, что меньше знаешь – крепче спишь. Вот пускай теперь и господин министр по ночам ворочается с бессонницей, не все же нам одним. Нам – это обоим Бенкендорфам, Аракчееву и Ростопчину. Последнему предстоит самое сложное – организация нужных слухов и написание пространных статей в газеты, объясняющих народу полезность и необходимость проводимых чисток. Ну да куда же без чисток?

В первую очередь планируем нанести удар по уголовному элементу, которого расплодилось, как головастика в деревенском пруду. Не пробовали зайти в какой-нибудь кабак хоть в Москве, хоть в Ярославле, хоть в Саратове? Ах, пробовали... А выйти из него, особенно если задержались до позднего часа за штофом анисовой? На улицу, допустим, выйдете, но вероятность добраться до дома невредимым – примерно половина на половину. И ладно если просто обчистят до исподнего, предварительно треснув дубиной по темечку, так могут и жизни лишить запросто. Думаете, приятно будет вашим домочадцам, если заявитесь домой с головою в руках?

Вот неизвестные живорезы и нападут на Александра Федоровича не далее как через два месяца, когда тот будет сопровождать из Нижнего Новгорода в Петербург очередной обоз с уральским золотом. И ограбят его, само собой... непременно ограбят! Зря, что ли, потратили столько времени на тренировки и сожгли холостыми выстрелами чуть не полпуда пороха? Денег стоит, а куда деваться? Всяко лучше, чем охрана с нападавшими друг друга случайно ранят – люди дороже.

Ну а потом займемся поисками похищенного, так как спускать разбойному люду во все времена не принято. Заодно подгреем народ свободных занятий, вроде карточных шулеров, бильярдных игроков, конокрадов, профессиональных нищих, фальшивомонетчиков и прочую

шушеру. Оно, конечно, быстро не управимся, работы непочатый край, но надо же когда-то начинать, верно?

Правда, разделились мнения о дальнейшей судьбе арестантов. Аракчеев категорически возражал против идеи министра государственной безопасности использовать оных для пополнения штрафных батальонов, справедливо полагая, что штрафбаты в их нынешнем виде никак не могут быть местом отбывания наказания. Продвинувшись по службе, пусть с величайшим риском для жизни, это пожалуйста. Или получить сто десятин земли, вместо обычных шести в аренду... Но ни в коем случае не филиал тюрьмы. Алексей Андреевич настаивал на отправке воров и разбойников в Сибирь, что шло вразрез с мнением графа Ростопчина.

Федор Васильевич полагал слишком опасным заселение новых земель на востоке преступниками, и отчасти был прав. Не дело равнять отбросы с отставными солдатами, получавшими земельные наделы по выслуге лет или увольнению по ранению. Жить в Сибири должно стать привилегией, не наказанием.

Сошлись на том, что строящейся линии оптического телеграфа Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань тоже нужна рабочая сила, а то пленные англичане со шведами слишком быстро заканчиваются. Нет, не то, что вы подумали, все проще... Многих выкупают родственники, заплатив точно подсчитанную долю от нанесенного стране ущерба и неотработанные затраты на содержание. Кто-то действительно умер в первый же месяц, но впоследствии такого не случалось – пленные довольно быстро привыкли к трехразовому горячему питанию с неограниченной добавкой и больше не объедались до заворота кишок.

– Ну так как, согласен пострадать за Отечество? – спрашиваю у немного опешившего от предложения Белякова.

Александр Федорович кивает:

– Как прикажете, Ваше Императорское Величество.

– Не приказываю, бери выше – доброволец ищущий.

Подскакивает с места и вытягивается:

– Если приказано стать добровольцами – будем ими!

Это прозвучало несколько пафосно, но впечатление оказалось смазано появлением подвыпившего Кулибина. Иван Петрович счастливо улыбнулся, покопался в бездонных карманах кафтана старинного покроя, снова вошедшего в моду, и положил перед нами что-то круглое, размером с некрупное яблоко, но с непропорционально толстым хвостиком.

– Твою же мать, граф! – Первое желание – упасть под стол и уползти за ближайший угол. Удерживает только любопытство. – Это что такое?

– Мы вот тут с Товием Егорычем подумали, государь... три десятка еще есть... Принести?

* * *

В это же время. Крыша Михайловского замка

– Миша, слева один у моста. – Тихий голос командира полка, бывшего Ахтырского, а ныне Третьего Гусарского Особого, прозвучал для Мишки Нечихаева громом небесным. – Спишь, аспид?

– Никак нет, господин полковник, – встрепенулся воспитанник и взял на мушку дальнобойной кулибинской винтовки неясную тень на берегу канала.

– Смотри у меня.

Сегодня очередь Ивана Дмитриевича Бердяги лично давать урок воинского ремесла сироте, взятому на воспитание полком почти год назад. И такой не один, по спискам числится пятьдесят два кадета, но Мишка, как первенец, самый любимый. И с него же больше всех спрашивается. Березовую кашу в армии запретили, а то бы и ее хлебнул...

Недавно вот что учудил – неизвестным образом проник в пороховой погреб и разобрал там полностью четыре новейшие ручные ракеты системы старшего лейтенанта Засядько, только-только начинающие поступать на вооружение. А когда был пойман и награжден неделей отсидки на гауптвахте, то сильно обиделся – важному научному открытию вроде как помешали. Какому именно, так и не признался, но обещал в полет на Луну отправиться в одиночестве и никого с собой не взять.

Но это так, старческое ворчание на молодежь. Случись Мишке уродиться тихим и послушным, разочарованию полковника Бердяги не было бы предела. Тем более и проказы, бывает, идут на пользу делу – сидя под арестом на гауптической вахте, воспитанник Нечихаев изрядно подправил произношение в английском, французском и немецком языках, доселе хромавшее на обе ноги. А куда деваться, если караул несут строгие учителя, донельзя раздосадованные внеурочной службой?

– Иван Дмитриевич. – Тень у канала оказалась прикормленной в замковой кухне обыкновенной дворнягой, и Мишка позволил себе немного отвлечься. – А для чего гусару требуется умение лазать по крышам? Мы вроде как с острой саблей на горячем коне должны?

– А думать, значит, уже не должны? Нет, ежели хочешь, то в следующий раз с конем сюда забирайся.

– И все же?

Полковник, которому и самому неоднократно приходили в голову вопросы о странных способах обучения гусар, только неопределенно пожал плечами, что, впрочем, так и осталось незамеченным в темноте. И тем не менее приказом Его Императорского Величества кавалерия нынче превращалась во что-то невообразимое. Сегодня, например, отрабатывалась тайная охрана «важных объектов народно-хозяйственного значения». Ну при чем здесь народ и его хозяйство? И тем не менее в присланной бумаге именно так и обозначено.

– Скажи мне, гусар Нечихаев, в чем состоит первейшая задача военного человека?

– Служить государю и Отечеству.

– Вот! Теперь понял?

– А чего я должен понять?

– А то, что никогда не можешь знать наперед, куда тебя служба забросит и что делать заставит. Так вот и учись всему заранее. А ну как завтра прикажут Париж штурмом брать?

– Зачем?

– Зачем прикажут или зачем брать?

– И то, и другое. Кавалерия вроде как для штурма городов не предназначена.

– Прикажут – будешь.

– Я тогда... – Мишка на минутку задумался. – Я тогда с воздушных шаров десант высажу.

– Вместе с конями?

– Не-е-е, пешком. В смысле, на парашютах.

Иван Дмитриевич поежился и недобрым словом вспомнил фельдмаршала Кутузова, первым предложившего использовать сию дьявольскую выдумку в военных целях. Малоприятное занятие на старости лет – выпрыгивать из-под облаков с жестяным коробом за спиной и гадать, раскроется ли уложенное в него шелковое полотнище, вытягиваемое за привязанную к корзине шара веревку. Пока, слава богу, несчастных случаев не было, зря, что ли, два месяца подряд коз да свиней сверху сбрасывали, но все равно страшно.

Это молодежи нипочем. Им лишь бы дух захватывало, а в зрелом возрасте тяжело привыкать ко всяческим новинкам, для испытания которых как назло всегда выбирают именно Третий Особый гусарский полк. Взять вот те же ручные ракеты системы Засядько – лошади гадят с перепугу, когда атакующий эскадрон одновременно выпускает по мишеням полсотни таких хреновин. По-другому и не назовешь, уж больно похожа в снаряженном состоянии на...

хм... Уж не был ли покойный Иван Семенович Барков провидцем, описывая незабвенного Луку Мудищева?

– Господин полковник, сигнал с шестого поста, – напомнил о себе Мишка Нечихаев.

– Читай.

Еще одно нововведение – какой-то выживший из ума немец по фамилии Осоавиахим (так было написано – «распространить и взять на вооружение опыт Осоавиахима») придумал хитрую азбуку для переговоров на расстоянии. Сволочь... Учи теперь, ломай голову.

– Полковнику Бердяге срочно прибыть к Его Императорскому Величеству, – перевел Мишка сигналы моргающего вдалеке фонарика.

– Этого еще не хватало, – недовольно пробормотал Иван Дмитриевич. – Не к добру.

– Вы увидите самого государя! – Восхищенный юный гусар совсем забыл о необходимости соблюдать тишину, за что и получил подзатыльник.

– Я-то увижу. А ты бди, до смены еще целый час.

* * *

В казармах полка командир появился только поздним утром. От него пахло душистым турецким табаком, дорогим французским коньяком и крупными неприятностями.

– Ну что, орлы, полетели?

Застывшие в пешем строю гусары не ответили.

– Молчите? Ну и правильно делаете. Слушайте боевой приказ!

Документ

«Ром – это чрезвычайно романтичный напиток. Рожденный в XVII веке, во времена флибустьеров, работорговцев, кладоискателей и колонизаторов, он до сих пор сохранил за собой репутацию «настоящей выпивки» для искателей приключений.

Ром был крайне популярен у пиратов Карибского моря, охотившихся за торговыми судами. Что весьма понятно – этот напиток не только веселил, поднимал боевой дух и притуплял чувство голода, но и согревал.

По тем же причинам ром был введен в ежедневный рацион британских моряков, и эта традиция сохранялась в английском флоте вплоть до 1812 года, когда опьянение одного из экипажей линейных кораблей послужило причиной бомбардировки Лондона.

Сегодня ассортимент рома достаточно разнообразен. Ром с разных островов различается по вкусу и аромату, но существует два основных типа рома. К сожалению, названия этих групп не очень ласкают слух – промышленный и сельскохозяйственный.

Из книги Е. Молоховец «О вкусной и здоровой пище». Издание восьмое исправленное, Москва, 1952 год»

Глава 4

– Что они делают, сержант? – капитан Винсли с недоумением обратился к Питеру Симмонсу, стоящему рядом с самым почтительным видом.

–купаются, сэр.

– Зачем?

– Я же обещал, что приведу на наш корабль самых отчаянных головорезов? Вот это они и есть.

– Да, но при чем здесь купание голышом?

– Самое непосредственное. – Федор Толстой уже битый час объяснял капитану некоторые странности в поведении новобранцев. – Развивает мышцы, требуемые для надежной работы абордажной саблей.

– Возможно, – нехотя согласился сэр Чарльз.

Собственно, ему были глубоко безразличны привычки появившегося на «Геркулесе» пополнения, но скука бесцельного стояния на рейде Ярмута заставляла искать развлечений. Не таких, конечно, как придумали эти дикие немцы. Это надо же додуматься – с громкими воплями прыгать в холодную воду прямо с палубы, да еще видеть в этом удовольствие! У настоящего джентльмена есть сотня других способов прогнать сплин. Вот только, черт побери, пока не удалось использовать ни единого! Играть в карты или пить ром? Но с кем? После того как неделю назад все офицеры фрегата были отправлены на берег с одновременным расстройством желудка, составить приличную партию или общество за столом совершенно не с кем. И замены не присылают, несмотря на ежедневные жалобы лично адмиралу. Хорошо еще выход в море постоянно откладывается, оставляя надежду на выздоровление дристунов до соответствующего приказа.

– Симмонс, а что означают слова «past porvu, vibliadok»?

– Верхне-саксонский диалект, сэр! Я сам его понимаю с большим трудом, но скорее всего, это просьба к матросу не подходить близко к сложенной одежде и не трогать ее. Знаете, сэр, эти обедневшие немецкие дворяне настолько щепетильны в вопросах чести...

– Так среди них есть и дворяне? – удивился Винсли.

– Конечно. Вот этот, что бьет беднягу Салливана, целый барон из древнего рода, известного со времен Второго крестового похода.

– Барон? – переспросил капитан. – Тогда пусть бьет.

– Более того, сэр, Алекс фон Тучкофр неплохой артиллерист и командовал батареей в сражении при... Впрочем, он не любит распространяться о своем прошлом.

Винсли задумался. Ему всегда нравились люди, не любящие вспоминать о прошлом. Значит, есть в нем что-то такое, отчего человека не тянет домой, а если и тянет, то благоразумие удерживает от столь опрометчивого поступка. Наверняка этого барона в родной Саксонии ждет топор палача за кое-какие неблагоприятные дела. Тем лучше, флоту Его Величества всегда нужны отчаянные головы, не оглядывающиеся назад.

Питер Симмонс понял глубокомысленное молчание капитана немного неправильно:

– Вы поставьте его к орудию, сэр! Барон фон Тучкофр способен положить шестифунтовое ядро за половину мили точно в лоб любому раззяве на берегу.

– Любому?

– На ваш выбор. И если бы вы видели, как он командует артиллерией!

Федор Толстой изо всех сил подталкивал капитана Винсли к принятию правильного решения и внутри весь кипел от тугодумия англичанина. Сколько трудов затрачено на то, чтобы успеть вовремя доставить из Киля в Дувр бойцов батальона «Красная Гвардия»... Неужели придется прибегнуть ко второму варианту, ввиду такого развития событий? Алек-

сандр Андреевич Тучков изначально предлагал действовать так, но Толстого не оставляла надежда решить вопрос полюбовно, к обоюдному согласию и по непротивлению сторон. Нет, если нужно, он первым перережет горло сэру Чарльзу и не поморщится... Главное, как говорит отец Николай, не испытывать от смерти врага удовольствия.

– Значит, артиллерией, – пробормотал капитан и опять замолчал.

– Осмелюсь заметить, сэр, не только ей.

– Чем же еще?

– Видите вон того высокого юношу со шрамом на лице? Не смотрите, что молод... Андреас зу Пкофф лучший штурман из тех, кого мне приходилось когда-либо встречать. Потомок самого де Риттера!

– И тоже барон? Какие еще сюрпризы ты мне припас, сержант?

– Никаких сюрпризов, сэр! Просто я подумал, что при недостатке офицеров на нашем «Геркулесе» их обязанности могли бы исполнять... Вы понимаете?

– Вздор, Симмонс, совершеннейший вздор! Кто выдаст патент на офицерское звание во флоте Его Величества каким-то подозрительным иностранцам? Да адмирал мне в лицо рассмеется, стоит только заикнуться о подобном. И будет прав! Думай, что говоришь, сержант.

– Милорду Нельсону вовсе незачем об этом знать, сэр! Ведь есть же кое-какая разница между исполнением обязанностей и получением жалованья?

И только сейчас до капитана дошел второй смысл предложения сержанта Симмонса. А этот плут далеко пойдет! Ведь правильно говорит – можно одновременно решить несколько проблем. Во-первых, заполнить образовавшиеся вакансии, во-вторых, перестать надоедать адмиралу ежедневными жалобами, а вот третье, оно самое приятное... Немцам не нужно платить как полноправным офицерам, с них достаточно того, что дворянское происхождение будет оценено по достоинству. А разница между достоинством и жалованьем изрядно округлит отнюдь не тугой капитанский кошелек.

– Хорошо, Питер. – Принятое решение располагало сэра Чарльза к некоторой фамильярности. – Пригласи этих господ ко мне в каюту на вечерний чай.

– Всех, сэр?

– Всех не нужно, только будущих офицеров.

* * *

Джим Салливан считал себя неудачником с тех самых пор, как завербовался во флот. Старший сын преуспевающего дублинского лавочника, в карманах всегда звенит несколько шестипенсовиков на мелкие расходы... нет же, дернула нелегкая наслушаться рассказов родного дяди о прелестях морской службы. Даже из дома ради этого сбежал, болван! И где теперь тот дядя? Наверняка балтийские селетки в Финском заливе знают об этом, но никому и никогда не расскажут. И романтика дальних странствий куда-то сбежала, окатив на прощание вместо обещанного легкого ветерка соленой, холодной и до ужаса мокрой водяной пылью весенних штормов.

Из похода в Россию вернулся живым, тут грех жаловаться на судьбу. Но вид постоянно блюющего матроса настолько возмутил подверженного той же самой морской болезни адмирала Нельсона, что по возвращении в Англию Джима пинками вышибли с флагманского линейного корабля на третьесортный фрегат. А тут и плата пониже, и харчи поуже, и вообще... кулаки у морских пехотинцев потверже.

Да не хотел он вовсе воровать те башмаки! Хорошие такие башмаки, из толстой кожи, на тройной подошве, пряжки серебряные... Нет, сразу же бить бросился, изверг! А теперь и слова поперек не скажешь – проклятый забияка оказался целым бароном и тут же получил

должность артиллерийского офицера. Ну как же... приятель сержанта Симмонса, того еще зверя. И остальных своих дружков пропихнул – куда ни плюнь, везде немцы командуют.

И не только командуют – крепко ухватили экипаж за глотку, полностью перекрыв не только воздух, но и маленькие радости, позволяющие несколько скрасить тяготы флотской службы. Не все, впрочем, перекрыли, и сейчас Джим пытался разведать безопасную дорогу к одной из них, охраняющейся морскими пехотинцами строже крюйт-камеры.

Про маленькие радости, конечно, образно говорится... на самом деле это несколько огромных дубовых бочек, тщательно запрятанных в трюме. И ни в коем случае не с яблоками, как забавно пошутил в своем произведении господин Роберт Льюис Стивенсон – подобных глупостей на военном корабле не предусмотрено. Нет, монументальные изделия бристольских бондарей хранили драгоценный дар барбадосских сахарных плантаций – великолепный ром, молоко настоящего моряка. И при определенной ловкости можно было пробраться к заранее просверленной дырочке в пузатом деревянном боку и через соломинку сцедить в прихваченную кожаную флягу пинту-другую. Не забыв, разумеется, вдумчиво и тщательно продегустировать напиток.

Процесс под названием «сосать обезьяну» требовал особой осторожности, ведь в случае поимки шкуру спустят плетями, и обычно поход за выпивкой поручался именно таким неудачникам, как Салливан. Даже если и расскажет во время наказания, что действовал по чужому принуждению, то кто же поверит известному врунишке и вору?

Самым трудным оказалось выбраться из оружейной палубы, где подвешен гамак Джима, и проползти под настоящими койками (с настоящими соломенными тюфяками!) в кубрике морских пехотинцев. Так уж заведено, что они, не тюфяки – пехотинцы, служат щитом и стеной между офицерами и командой. Как выяснилось, не такими уж непреодолимыми. «Геркулес» мягко переваливался с борта на борт на атлантической волне, и некоторый шум при передвижении всегда можно было принять за стук перекачивающихся при качке башмаков. Эти сволочи могут себе позволить спать разутыми! И жалко, что у них нет так понравившихся серебряных пряжек.

Вот и долгожданный трап, ведущий вниз, в надежную темноту. Его, правда, охраняет здоровенный немец с рыжими усами, но разве кто сможет тягаться в пронырливости с настоящей «пороховой обезьяной»? Ползком, старательно уходя от пятна света, отбрасываемого качающимся фонарем... теперь застыть и затаить дыхание... не двигаться...

Часовой лениво скользнул взглядом по куче рваных джутовых мешков (какая сволочь их тут бросила?), зевнул и отвернулся. Салливан крепко стиснул зубы, придерживая завязки придуманной им самим накидки, и пополз дальше, пользуясь благоприятным моментом. Трап предательски скрипнул, но звук тут же потерялся в сотне других скрипов, всегда сопровождающих движение корабля.

И вот, наконец, ОНО – заветное и долгожданное отверстие в бочке, искусно заделанное предыдущими визитерами, но легко обнаруживаемое даже на ощупь. Особенно если знать, где искать. Нажать пальцем... затыкающий дырку чопик проваливается внутрь... не беда, в кармане есть еще один, вырезанный точно по образцу. Другая рука нашаривает спрятанную в щели переборки длинную соломинку – есть!

Сначала долгий-долгий глоток, насколько хватает дыхания и места в желудке, потом чуть отдышаться и припасть еще. Теплая волна зажигает в брюхе жаркий и уютный огонь, распрямляются уставшие за день ноги, перестают болеть разбитые кулаками барона фон Тучкофра губы и нос...

Барона? Кто сказал, барона? Везде мерещится голос этого злого артиллерийского офицера. Нет, не мерещится... отчетливо слышно, как часовой у трапа отдал рапорт на незнакомом языке, вот темноту трюма чуть раздвинуло тусклым светом масляного фонаря, и застучали башмаки. Те самые башмаки из толстой кожи, на тройной подошве, с серебряными пряжками.

Джим перестал двигаться и забился в узкий промежуток между бочками, куда не пролезли бы и отощавшие корабельные крысы. Сердце колотится громко, остается только молиться, чтобы проклятый барон не услышал этот грохот... И зубы начинают сами собой выстукивать джигу. Но что оказалось самым страшным – фон Тучкофр сопровождал донельзя довольный сержант Симмонс.

Чертов вербовщик бросил короткую непонятную фразу, барон ответил, и оба рассмеялись со столь гнусным видом, будто вознамерились довершить дело, не законченное Гаем Фоксом. Потом сержант извлек откуда-то из рукава длинный стилет и принялся ковырять пробку у одной из бочек. Вот гадина! Тут собственной шкурой рискуешь, дрожишь, ползком пробираешься в темноте ради нескольких глотков рома, а эта скотина может в любой момент спуститься в трюм и налакаться в полное удовольствие.

Но вот почему он не хочет налить из бочки с краном, как все нормальные люди? Сам Джим так бы и сделал, только расположена она на самом проходе, и в случае чего оттуда быстро не улизнешь. Ее что, уже всю выпили? Негодяи...

Еле слышный скрип, и сразу за ним – стук упавшей на палубу затычки. Слава создателю, она улетела в проход – барон и сержант одновременно повернули туда головы, и это позволило Салливану отползти в темноту. Но что же они делают? Ведь для людей... убийцы... Джим с ужасом наблюдал, как фон Тучкофр вылил в ром содержимое большой фляги, и не мог даже крикнуть. И не столько от чувства самосохранения, сколько от перехватившего горло спазма. А немец и предатель Симмонс тем временем принялись за следующую бочку – один сноровисто выковыривал пробку, а второй добавлял отраву. Работа спорилась... Торопятся гады! Ну ничего, зато из-за этой спешки они так и не заметили Салливана, с каждым удобным моментом отползающего все дальше и дальше в спасительную темноту. Но вот, наконец, закончили страшное дело, и сержант произнес по-немецки:

– Pizdets kotionku, bolshe srat ne budet!

– Budet-budet! – откликнулся барон и опять оглушительно рассмеялся.

Салливан не знал немецкого языка, но действия злоумышленников сопровождалось настолько гнусными ужимками и репликами самых зловещих интонаций, что сомнений не оставалось – на корабле заговор! И как теперь поступить, чтобы остаться живым? Сообщить капитану? Бесполезно – он намертво завяз в паутине, сплетенной сержантом, и даже если захочет что-либо предпринять, то ему не позволят новоявленные офицеры. Или все же попытаться? Да, наверное, так и нужно сделать. А вот если не получится, тогда стоит предупредить команду.

Команда... Джима передернуло, и от неприятных воспоминаний холодок пробежал по спине. Да пусть сдохнут уроды, не жалко! Значит, решено, в первую очередь к капитану Винсли!

И снова пробираться по всему кораблю, где ползком и на четвереньках, а где и рискуя подняться в полный рост. Выпитый ром придавал силу, решимость, желание поквитаться с отравителями добавляло осторожности, и очень скоро Джим Салливан оказался у дверей капитанской каюты. Вот только как попасть внутрь, если часовой, охраняющий покой сэра Чарльза, сторожит бдительно и не выпускает из рук ружье? Морской пехотинец из недавно набранных немцев, черт бы его побрал! Исполнительный и глупый, как вся его нация.

Эх, была не была! Главное, погромче топтать ногами, чтобы болван услышал заранее и не выстрелил от неожиданности.

– Кто идет? – Часовой говорил по-английски с большим трудом, потому добавил на своем наречии: – I kakogo khrena nado?

– Извините, господин, – Салливан старался не повышать голос. – Сегодня моя очередь выносить капитанский ночной горшок.

– И что? – Немец пожал плечами и произнес вовсе непонятное: – Dristuny, bliad!

– Вы меня пропустите? – Джим изобразил на лице страдание, почтение и страх перед наказанием, но не был уверен, что это произвело должное впечатление. – Если я не вынесу горшок, меня забьют плетьюми.

– Проходи, здесь не заперто.

Действительно, сэр Чарльз настолько проникся доверием к морской пехоте, что перестал задвигать засовы на двери. Все три. И один крючок.

– Спасибо! – Салливан растянул губы в благодарной улыбке, поклонился и проскользнул в каюту. А вот он уже не забыл запереться крепко-накрепко. И огляделся...

Капитан Винсли крепко спал прямо за столом и не упал вниз при качке только из-за широко расставленных локтей. А уснул он, скорее всего, совсем недавно – сладковатый запах табака еще не успел выветриться. Странное что-то курит сэр Чарльз... И совсем не реагирует на прикосновение к плечу.

– Проснитесь, сэр! Беда! – В ответ лишь невнятное мычание, да губы во сне скривились в презрительной усмешке. – Нас предали!

– Ты долго там будешь возиться, pridurok? – нетерпеливо крикнул часовой и для убедительности ударил в дверь. – Забирай какашки и проваливай!

Капитану шум не помешал, только заставил вздрогнуть и похлопать рукой по столу в поисках стакана.

– Одну минуточку, мастер! – откликнулся Салливан. – Уже ухожу!

А сам схватил ближайшую бутылку из намертво закрепленного к переборке погребца. Здесь уж точно не отравлено, а когда еще придется попробовать настоящий бренди... Или что здесь, виски? Тем лучше.

* * *

Джим сладко посапывал, обняв ноги капитана Винсли, и в красочных снах видел себя великим героем, которого Его Величество посвящает в рыцари, производит в адмиралы, награждает орденом Бани и назначает архиепископом Кентерберийским. Все женщины старой доброй Англии, Шотландии и Ирландии визжат от восторга, бросают в воздух чепчики и стараются забраться в постель к спасителю Британии, сравнявшемуся славой со святым Георгием. И даже Элли старается бесплатно – та самая шлюха Элли из Ярмута, что не брала дороже полпенни за свои сомнительные услуги. А негодяи немцы во главе с сержантом Симмонсом только завистливо роняют слюни (вот бы захлебнулись!) и колотят ногами в дверь роскошного будуара с требованиями поделиться добычей. Обойдетесь, сволочи!

– Может быть, сломать тут все к чертовой матери, Александр Андреевич? – предложил Федор Толстой, прибежавший вместе с Тучковым на крик часового. – Никита, они давно заперлись?

Красногвардеец Бутурлин достал из кармана луковицу часов и щелкнул крышкой:

– Поболее сорока минут, Федор Иванович.

– Точно говорю, надо дверь вышибать.

– Погодите, – командир батальона придержал Толстого за руку. – Погодите, господин гвардии старший лейтенант.

– Куда уж годить-то? Чем могут заниматься капитан и матрос в запертой изнутри каюте почти целый час?

– Федор, – хмыкнул Тучков. – Давайте не будем обсуждать традиции британского флота, тем более они нас не касаются никоим образом.

– Традиции?

- Вы не знали? Впрочем, оставим эту тему¹...
- Почему же оставим, Александр Андреевич?
- Все, я сказал! Меня другое интересует...
- Что, господин полковник?
- Федор! – произнес Тучков с укоризной.
- Виноват, Александр Андреевич, исправлюсь. Зарапортовался совсем.
- Вот видишь... излишнее чинопочитание, особенно в боевой обстановке и приближенной к ней, не только вредит быстрому взаимопониманию солдат и командиров, но и явно указывает на скрываемую вину чрезмерно усердного подчиненного.
- Изрядно сказано.
- Это не я сказал, неуч! Когда в последний раз изволили читать «Общевойсковой Устав», Федор Иванович? Молчите, господин гвардии старший лейтенант? – Тучков пригладил пышную, чуть волнистую шевелюру. – А мне потом граф Аракчеев всю плешь проедает.
- Какая же вина, тем более скрытая? – запоздало удивился Толстой.
- Да? А почему же тогда капитан Винсли не спит, а занимается черт знает чем? Кто ему табак готовил?
- Я сам и готовил, Александр Андреевич, – протянул Федор обиженно. – Чистейший кашмирский опий, между прочим. По половине шиллинга за унцию.
- А бутылки?
- Вместе с Ванькой Лопухиным весь погребец зарядили.
- Тогда почему не подействовало? Вы хоть понимаете, Федор Иванович, насколько важна завтрашняя встреча с «Забиякой»?
- Так и сохраним в тайне, чего переживать-то? Команде с утра тройную порцию рома выдадим и...
- Вроде двойную хотели?
- Для надежности. Вдруг опий в самом деле негодящий попался? А с тройной порции до следующего дня проспят, уж как пить дать. Кстати, насчет пить... Винсли, как проснется, обязательно похмеляться станет, а на старые дрожжи...
- Ладно, будем считать, что так оно и произойдет. Но на всякий случай второй часовой у дверей не помешает.
- Ивана Лопухина и поставлю.

* * *

В предрассветном тумане «Геркулес» вывалился из походного ордера английской эскадры и ушел в сторону португальского берега, где и лег в дрейф, ожидая крадущегося по пятам «Забияку». И когда солнце наконец-то разогнало унылую мглу, оставив лишь легкую дымку, засвистели унтер-офицерские дудки, приказывая команде построиться на баке.

– Ну и рожи, – пробормотал себе под нос полковник Тучков, прохаживаясь перед английскими моряками. Те напряженно затаили дыхание, так как насупленные брови немца внушали опасение и не сулили ничего хорошего. Да и что может ждать простой матрос от офицера? – Смирно, ленивые свиньи!

Многие вздохнули с видимым облегчением – если командир заговорил на понятном языке, то есть надежда на то, что гроза пройдет стороной. Но следующие слова барона оказались настолько невероятными, что прозвучали подобно песне эльфов из волшебной сказки:

¹ «Ром, плеть и содомия – вот единственные традиции Королевского Флота». Цитата приписывается сэру Уинстону Черчиллю. Черчилль вообще не говорил этого. Это сделал его помощник Энтони Монтегю-Браун. Но позднее Черчилль признался, что сам бы хотел сказать эту фразу.

– Кто хочет рому?

Тишина... кто-то не поверил своим ушам, кто-то решил, будто немец ошибся из-за плохого знания языка, а самые опытные приняли вопрос за изощренную издевку.

– Повторяю, кто хочет рому? – Тучков сплюнул на свеженадраенную палубу и продолжил: – Свиньи! Наш капитан немного приболел, поэтому именно мне выпала честь от имени Его Величества сделать вам предложение. Нужны добровольцы для тяжелой и опасной работы, работы за звонкую монету, между прочим. Согласившиеся прямо сейчас получают гинею задатка и полную кружку доброй выпивки! Кто не обманет надежд и ожиданий Его Величества, уроды?

Согласились все – уж больно заманчиво смотрелся золотой кружок в руке лейтенанта фон Тучкофра. А что до тяжести и опасности... так наверняка вербуют в десантную партию для высадки у французской Булони. Пусть... Коротышка-узурпатор с его гвардией нисколько не страшнее службы во флоте Его Величества. Чужой солдат, в отличие от своего офицера, может и промахнуться, а если и попадет, то всего лишь убьет. К тому же идущим в первых рядах достаются лучшие женщины и самая богатая добыча.

На палубу вынесли стол, за которым с пером и бумагой расположился старший штурман зу Пкофф, рядом с ним поставили окованный железом сундучок под охраной двух морских пехотинцев, и дело пошло. Первый же матрос, смело оттиснувший испачканный чернилами палец на чистом листе, сразу получил гинею и полную кружку рома.

– Проходи, не задерживай! – прикрикнул надзирающий за порядком сержант Симмонс. – Следующий!

Через четыре часа полковник Тучков мрачно наблюдал за погрузкой спящих англичан на русский корвет «Забияка», для маскировки пришедший под флагом Северо-Американских Соединенных Штатов.

– Нехорошо как-то получилось.

– Зря вы так, Александр Андреевич. – Прибывший с пополнением гусарский полковник Бердяга сомнений Тучкова не разделял. – Обыкновенная военная хитрость, не более того. Или вы предпочли бы отправить их всех в царство Нептуна с перерезанным горлом? Государь не одобряет ненужного кровопролития.

– Может быть, может быть...

– Не может, а так оно и есть! В чем мы обманули этих людей? Работа на уральских золотых приисках действительно трудна и опасна, а подписав контракт вольнонаемного рабочего, они будут пользоваться всеми привилегиями свободного человека. Пусть через десять лет, но будут! Кстати, я бы и капитана туда же отправил.

– Нет, Иван Дмитриевич, сэр Чарльз нам еще понадобится в качестве визитной карточки. Или вы сами собираетесь присутствовать на совещаниях у адмирала Нельсона?

– Думаете, будто сэр Горацио не заметит состояние капитана? Злоупотребление опиумом довольно трудно скрыть.

– Зато им легко объяснить некоторые странности в поведении. Нам ведь всего-то и нужно, чтобы Винсли продержался четверть часа. А там...

Бердяга на слова Александра Андреевича недобро усмехнулся и помянул нехорошо Товия Егоровича Ловица, автора очередного дьявольского изобретения. И если бы только этого изобретения – то, что сейчас перегружали с «Забияки» на «Геркулес», вряд ли можно назвать произведением гуманной человеческой мысли. Интересно, когда помощник графа Кулибина в последний раз ходил в церковь? И ходил ли вообще?

– Мишка, уйди оттуда к черту! – Иван Дмитриевич отвлекся от размышлений и погрозил кулаком гусару Нечихаеву, помогавшему тащить длинный деревянный ящик, выкрашенный в темно-зеленый цвет. – Если еще и эти разберешь!

– Да я только хотел... – Полковой воспитанник, на ходу примерявшийся к замку на крышке, отскочил в сторону. – Я вообще ничего не хотел, господин полковник!

Документ

Порядок выдачи виз:

Действующая процедура получения визы на Мальту:

Для граждан, имеющих действующую российскую визу или вид на жительство, выданный любым миграционным центром Российской Империи, виза на Мальту не требуется.

В противном случае оформление визы на Мальту осуществляется исключительно через визовый центр. Визовые центры имеются в Тулузе, Марселе и Ницце.

Подробная информация по оформлению визы на сайте визового центра.

Посольство Мальты:

Адрес: Марсель, наб. Каннебьер, д. 7.

Телефоны:...

Из памятки французскому туристу при посещении стран Русского Содружества. 2007 год»

Глава 5

Император всех французов пребывал в самом скверном расположении духа, и развеять дурное настроение не мог даже шумевший и искрящийся неподдельным весельем бал. Или хандра наступила именно из-за этого бала, даваемого в честь очередного прибытия в Париж посланника русского царя? После каждого разговора с хитрым одноглазым фельдмаршалом Наполеон чувствовал себя обманутым и обокраденным. Кутузов с видимым удовольствием принимал участие в устраиваемых празднествах, в невероятных количествах употреблял коньяк с шампанским, волочился за женщинами с неизменным успехом, убивал на дуэлях ревнивых рогоносцев и все обещал, обещал, обещал...

Совершенно правильно, обещал все, что угодно – признание русским престолом законности французского императорского титула, совместный поход в Индию, помощь в войне с Австрией и всеми государствами Священной Римской Империи, поддержку десанта в Англию... Слова, ничем и ни к чему не обязывающие слова! Хотя, по чести сказать, очень даже обязывающие! Но... и в этом «но» кроется самое неприятное – русские требуют денег. И не просто требуют, а делают это со столь наглой бесцеремонностью, что поневоле начинаешь сомневаться в их благородном происхождении. Ибо не пристало человеку столь высокого положения торговаться за каждый сантим подобно венецианскому или тосканскому банкиру.

Подумать только – признание титула стоит двадцать два миллиона рублей. Именно русских серебряных рублей, потому что иные деньги они принимать отказываются. Вернее, берут, но по весу, что получается чуть ли не на четверть дешевле. Причем эти миллионы лишь малая часть в предоставленных фельдмаршалом расценках.

Наполеон чертыхнулся и ударил кулаком по листу бумаги, переданному несколько часов назад министром Талейраном. Тем самым Шарлем Морисом Талейран-Перигором, чьи знания и умения по сравнению с деловой хваткой Кутузова выглядят ужимками не слишком умного воспитанника какого-нибудь провинциального монастыря. Глупейший список... Вот как понимать слова «Каждый направленный в помощь Франции солдат и офицер подлежит обязательному страхованию со стороны французского государства»? Ага, дальше пояснение – «Гибель – сто тысяч рублей в русскую казну и столько же на пенсию семье погибшего. Ранение с увечьем – пятьдесят тысяч и сто для пенсии соответственно. Тяжелое ранение или контузия – пятьдесят тысяч одновременно. Легкое ранение или пищевое отравление – десять». Да таких солдат не в бой посылать надо, а в музей поставить за стеклянную витрину как величайшую драгоценность и пылинки сдувать с исключительной осторожностью! Стрелять во врага отлитыми из золота пулями выйдет гораздо дешевле. Нет, царь Павел точно ведет происхождение от чухонских пожирателей салаки, ничего крупнее копейки в руках не державших.

– Ваше Императорское Величество, давайте же веселиться! – Несмотря на то, что Россия еще не признала титул Наполеона, русский фельдмаршал именовал повелителя французов именно так. – Улыбнитесь, Ваше Величество, иначе вино скиснет прямо в бокалах!

Многие в зале смотрели на Кутузова с завистью – в эти-то годы умудриться сохранить столько здоровья, сил и энергии! И большинство, узнав истинный возраст фельдмаршала, категорически отказывалось в это верить. Особенно прекрасные дамы, испытывавшие на себе юношеский пыл и... хм... Но не будем же смущать прелестниц, скрывающих за веерами стыдливый румянец, протупающий сквозь толстый слой белил и пудры. Да, не будем... но какой, право слово, он затейник! И слава завязатого дуэлянта дополнительно щекочет нервы! Шарман, тре бьен шарман!

«Хуиньки тебе, собака, а не второй фронт!» – Мишка Варзин, натура которого настолько органично вписалась в характер и сознание Михаила Илларионовича Кутузова, смотрел на сидящего за столом Бонапарта сверху вниз и с трудом сдерживал желание разбить тому морду.

Фельдмаршала возмущало послезнание об Отечественной войне двенадцатого года (более поздние времена его не интересовали), а красноармеец не мог простить французам осаду Севастополя, Бизерту и участие в интервенции. Сам Варзин историей раньше не интересовался, но из рассказов Павла Петровича уяснил точно – если англичане являются предшественниками фашистов, то наполеоновская Франция представляет собой что-то среднее между белофиннами и Италией Бенито Муссолини.

– Да вы веселитесь, князь! Позвольте называть вас так попросту? – через силу улыбнулся император.

– Сколько угодно, Ваше Величество!

Мишка недавно присвоенному титулу никакого значения не придавал, но с некоторым удивлением отметил произведенное на парижский высший свет впечатление. Принц, говорите? Пусть будет принц².

Проводив взглядом фельдмаршала, утачившего танцевать Жозефину Богарнэ, Наполеон вернулся к листку с расценками. Нет, они действительно сумасшедшие, но в данный момент предложения русского царя лучше рассматривать как приглашение к торгу, а не злую насмешку. Несмотря на некоторые успехи в европейских войнах, Франция еще не в том положении, чтобы обойтись без союзников. Кто кроме России не проявляет откровенной враждебности? Разве что Пруссия, заявившая о своем нейтралитете. Но и она, потеряв Кенигсберг с восточными землями, вздрагивает от любого окрика из Петербурга и вряд ли может рассматриваться как самостоятельный игрок большой политики.

Бавария? Это скорее проститутка, чем королевство – только и думает, как бы подороже продаться сильнейшему. Батавия? Все их победы и доблесть в прошлом, а сегодня умеют лишь солить селедку, пойманную тайком от англичан, да выращивать тюльпаны. Тем более это скорее французская провинция, чем государство. Датчане? Те с упоением присоединились к разделу шведских владений, и если точат зубы на Англию, то предпочитают делать сие русским напильником. Совместными усилиями превратили Балтийское море во внутреннее озеро, находящееся в совместном же пользовании, и попытки иных стран завести собственный флот пресекают беспощадно. Под иными подразумевается все та же Пруссия.

Нет, нужно что-то делать. Попробовать уговорить императора Павла Петровича дать пинка под зад цесарцам, в данный момент алчно поглядывающим на «итальянский сапог»? Сколько он запросит за переход своих армий через Днестр? Турки, скорее всего, не будут возражать против прохода русских войск по своей территории. Или будут? Опять траты... Что дешевле – заплатить султану за согласие или царю за то, чтобы не обращал внимания на обиженные вопли из Константинополя? Наверное, второй вариант надежнее – Блистательная Порта настолько привыкла к получаемым от России побоям, что предпочтет не заметить марширующие в сторону Вены дивизии.

– Шарль, – негромко позвал Наполеон.

– Я здесь, мой император! – Талейран, как всегда находившийся поблизости, отвесил изящный, отточенный опытом многих благородных поколений, поклон.

– Вам нужно немедленно обсудить с князем Кутузовым вопрос значительного уменьшения страховых выплат.

– Конечно, мой император! Сразу после бала я приглашу его на приватный ужин.

– Я сказал – немедленно!

Министр посмотрел в ту же сторону, что император, и понял причину его поспешности – на лице танцующей с фельдмаршалом Жозефины явственно читались все ее желания и мысли. А также планы на ближайшие несколько часов. Нужно срочно вмешаться – императорская корона плохо держится на развесистых рогах!

² Князь – по-английски и французски prince.

* * *

– Ах, Мишель! – Прекрасная креолка ловко убрала изящную ножку в атласной туфельке из-под опускающегося фельдмаршальского сапога. – Вы так забавно неуклюжи, Мишель! Кто вас учил танцевать?

– О, мадам! – нисколько не смутился Мишка Варзин. – У нас в России есть замечательная пословица, объясняющая причину неловкости плохих танцоров. И если на то будет ваше желание, нынче же ночью готов обсудить ее со всеми подробностями.

– Так уж и со всеми?

– Я постараюсь, мадам! В этой пословице столько разнообразных нюансов и оттенков, столько смыслов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.